
Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Курганский государственный университет

“ЭТНОС. КУЛЬТУРА. ТЕКСТ”

Курган 1999

УДК

Э

Этнос. Культура. Текст: Материалы лингвистической научной конференции. 15 апреля 1999 г. -Курган: Издательство Курганского гос. ун-та, 1999.-70 с.

Редакционная коллегия:

В.М.Аврасин, Н.Н.Бочегова, Л.В.Гришкова, Г.П.Левченко.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Курганского государственного университета.

ISBN 5-86328-223-1

© Курганский
государственный
университет, 1999

Т.А.Авраменко, Т.К.Дружинина, Р.И.Кривоногова
Курганский государственный университет

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКЕ РЕЧИ

В настоящее время все большее значение приобретают элементы лингвострановедения, вводимые в курс обучения практике речи на иностранном языке в вузе. Обращение к проблеме изучения языка и культуры одновременно не случайно, так как это позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, которые выступают не только как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучаемых с новой для них действительностью. Такой подход к обучению иностранному языку содержит огромные возможности для вызова и дальнейшей поддержки мотивации ученика.

Главная цель лингвострановедения - обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации, прежде всего через адекватное восприятие речи собеседника и оригинальных текстов, рассчитанных на носителей языка. Лингвострановедение обеспечивает решение целого ряда проблем, в частности главной филологической проблемы - адекватного понимания текста. Широкий культурологический фон, создаваемый лингвострановедческими текстами, способствует как развитию лингвистических навыков и умений (обогащение лексики, навыки переводческой деятельности, умение работать с фразеологизмами), так и знакомит обучаемого с конкретными аспектами иноязычной культуры. Создаются предпосылки для иного восприятия языка как составной части всей духовной жизни общества, языковые единицы воспринимаются как носители информации об особенностях менталитета и, как следствие, поведенческих норм иноязычного общества.

При работе с лингвострановедческими текстами студенты понимают, какую роль играет контекст (и в узком, и в широком смысле - исторический, культурный), как на значение и употребление слов влияют знания, которые носитель языка зачастую впитывает с "молоком матери", но с которыми необходимо знакомить того, кто изучает иностранный язык.

Лингвострановедческий текст можно отнести к основным средствам обучения, который наряду с другими аутентичными материалами (музыкальные произведения, предметы реальной действительности и т.д.) больше всего может приблизить студентов к естественной культурологической среде.

Включение национально-культурного компонента в содержание обучения влечет за собой пересмотр статуса преподавателя иностранного языка: он должен быть не только знатоком иноязычной культуры в широком смысле (политической, экономической, художественной, языковой и др.), но и своей национальной, поскольку процесс усвоения иностранного языка и дальнейшее его применение программируется как межкультурная коммуникация, как диалог культур.

Набор традиционных учебников английского языка, по которым ведется преподавание практики речи на 1,2 курсах языкового отделения, не содержит достаточно количества аутентичных материалов. Преподавателям приходится самим подбирать материалы лингвострановедческого характера.

При обучении чтению и устной речи нами используются различные аутентичные курсы и пособия, которые в большой степени соответствуют вышеприведенным характеристикам лингвострановедческого текста. Студенты первого курса работают с интересом по пособию “All about the USA”, тексты которого не только сообщают информацию о США, но и стимулируют межкультурный обмен. При всей тщательности отбора вокабуляра и структур в пособии сохраняются особенности естественного языка. Каждый урок курса содержит вопросы, предвещающие чтения, рисунки, короткий текст, задания, направленные на изучение лексики, выделение основных мыслей и деталей, на тренировку грамматики и организацию обсуждения.

На более продвинутом этапе обучения чтению и устной речи со студентами второго курса ведется работа по пособию “Learning English made simple”, тематика которого соответствует темам устной и письменной речи 2 и 3 курсов. Форма и содержание пособия дают возможность студентам окунуться в современную американскую действительность с ее особенностями и проблемами, почувствовать возможности “живого” языка для общения. Этот курс напоминает “пособие по выживанию” и способствует созданию ситуаций для ролевых игр, которые помогают студентам изучить большой объем лексики, способы ее использования и познакомиться с реалиями жизни другой страны. Каждая глава снабжена списком лексики, полезной информации и инструкциями по поведению в различных житейских ситуациях и примерными диалогами. Особенностью этого курса является наличие разделов, направленных на изучение функциональности английского языка.

Использование подобных курсов и пособий способствует активизации студентов, повышению мотивации на изучение английского языка.

В.М. Аврасин

Курганский государственный университет

ЗАМЕТКИ ОБ АССОЦИАТИВНОСТИ КАК ОЦЕНОЧНОМ КРИТЕРИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Высокий уровень полисемии достигается, как известно, прежде всего за счет денотативных значений и кроме того в результате наслаивающихся на них коннотативных значений - наиболее субъективного и лабильного элемента семантичес-

кой структуры слова.

Принято считать основными коннотативными значениями экспрессивность, эмоциональность, образность, оценочность (В.К.Харченко), но нам представляется, что элементы этого, по-видимому, неполного списка допускают и дальнейшую дифференциацию на ряде уровней.

Одной из групп словаря, богатых коннотативными значениями (в том числе и по своему генезису), являются метафоры синестетического типа, представляющие собой весьма перспективный объект для исследования в разных направлениях.

Процесс метафоризации и в том числе синестезирования достаточно освещен в литературе (Ю.Д.Апресян, Н.Д.Арутюнова, В.В.Петров, С.Ульман). С синестезированием может быть связано исследование ассоциативности, которая в свою очередь оказывается обусловленной смысловой структурой слова, то есть быть элементом языковой системы (назовем ее условно вторичным элементом системы), а также и, возможно, даже в большей степени, быть детерминированной извне, то есть идеологией, видением мира, уровнем интеллекта и эрудиции, фоновыми знаниями отдельных его представителей определенного этноса, социума.

Основные лингвистические закономерности современных метафоризации и синестезирования могут быть сформулированы следующим образом:

1. Возможности метафоризации выходят за пределы действительного или приписываемого сходства явлений в ряд пограничных областей.
2. Метафора - объект не только и не столько языкознания, сколько объект психологии и мировоззренческих дисциплин.
3. Наиболее распространенный тип метафоры - метафора антропоморфического типа, за которым следуют единицы зооморфического типа.
4. В разные периоды функционирования языка существуют разные центры так называемой метафорической экспансии (закон Шпербера).
5. Основные направления метафоризации:
 - а) около 80% интерсенсорных синестетических переносов происходит строго в направлении от нижних уровней иерархии восприятия к верхним, то есть от зрительных и осязательных к слуховым (С.Ульман).
 - б) от конкретного к абстрактному.
6. Уровень восприятия и переноса значения связаны с уровнем развития тех или иных органов чувств.
7. Характер эмоций при синестезировании оказывается импульсом для категорий субъективной оценки.

Проблема же связей синестезирования с теми или иными ассоциациями разработана, насколько нам известно, значительно меньше. Один из наиболее интересных вопросов применительно к этой проблеме связан с характером ассоциативности синестетических прилагательных у билингов, особенно с разной степенью владения языком.

Нами был проведен небольшой эксперимент (анкетирование) узловой задачей

которого было установить, существуют ли различия между характером и количеством ассоциаций при синестетических прилагательных родного и изучаемого языков. Информантами были студенты старших курсов, в достаточной степени владеющие иностранным языком. Информантам было предложено 45 пар прилагательных (русское и его немецкий эквивалент), обладающих дополнительным синестетическим значением, и предложено отразить в анкете те ассоциации, которые возникают у них в связи с русским и немецким словом. Попутно была поставлена задача предложить свою оценку (+, -, 0). Небольшое количество информантов безусловно не дало возможности установить какие то бы ни было точные и абсолютные закономерности, однако уже полученные результаты, подтверждая данные литературы, позволили дополнить их некоторыми положениями именно применительно к ассоциативности. Большинство информантов правильно идентифицировало наиболее распространенные и приближенные к клише синестетические значения ряда прилагательных (ein grüner Junge, die braune Pest, мягкий характер, холодная война, теплый прием и т.д.), что позволяет говорить о некоторой зыбкости границ между денотативными и коннотативными значениями. Отмечены немногочисленные случаи совпадения ассоциативности в русском и немецком языках. И вместе с этим - приписывание немецким словам ассоциативности русских.

Весьма заметны различия в так называемых семантических дистанциях (синестезирование как правило предполагает переход из одной тематической группы или одного семантического поля в другие группу или поле, более или менее удаленные от исходных). Ассоциации с русскими словами оказываются более отдаленными, нежели с немецкими словами с тем же значением (зеленый - свежий, молодой, но grün - Gras, темный - человек, замысел, но dunkel - Nacht, горячий - мужчина кавказской национальности, но heiss - Tee, прохладный - отношения, но kuhl - night warm, feught).

Семантическая дистанция со словами родного языка значительно больше, зависимости - более отдаленные и непредсказуемые, конечные же значения у немецких синестезий ближе к исходным, коннотативные значения приближаются к денотативным.

Наличие разных ассоциаций с прилагательными, передающими одни и те же значения (пусть даже с оттенками на родном и иностранном языках), позволяет опровергать существующее еще мнение, что иностранная речь студентов опирается только на русскоязычно-переводное мышление (естественно, при хорошей подготовке).

Разное количество и разная степень сложности ассоциаций отражают не только и без того очевидные расхождения в уровне языковой компетенции информантов, но и позволяют судить о тех их характеристиках, которые находятся за пределами языка как системы знаков и средства общения.

Можно утверждать, что характер и уровень ассоциативности в речи могут выступать как один из критериев оценки языковой компетенции индивида.

И наконец - по-видимому, смелая гипотеза - все растущая полисемия и количество коннотативных значений, превращение частотных ассоциаций в клишированные единицы языка, достаточно взаимоудаленные по значению, позволяют поднимать вопрос о возможности внедрения в общепринятую схему “архисема, семема, сема” (ЛЭС, 437) еще более мелкого компонента типа “мини- или микросема”.

О.А.Бабушкина

*Российский государственный педагогический университет
им.А.И.Герцена, Санкт-Петербург*

РОЛЬ ПАРАФРАЗА В РЕГУЛЯЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В акте коммуникации часто возникает необходимость повторить определенный фрагмент высказывания, сформулировав основную мысль другими языковыми средствами. Это явление в лингвистике принято называть парафразом.

Парафраз, являясь способом повторного отражения ситуации или ее фрагмента, находится в отношении полного или частичного тождества с соответствующими единицами первичной номинации. Информация, заложенная в парафразе, всегда отражает коммуникативный фокус предыдущего высказывания.

Основной целью использования парафразы является в большинстве случаев потребность в установлении адекватного уровня взаимопонимания партнеров по коммуникации.

В дискурсе парафраз выполняет функцию регулировки речевого общения. Оусуществление этой функции протекает по нескольким направлениям.

Парафраз может актуализироваться в репликах говорящего либо как антиципация, либо как следствие недопонимания со стороны слушающего.

В первом случае, вводя повторную номинацию фрагмента ситуации, говорящий стремится обеспечить правильное понимание передаваемой информации. Такой тип парафразы чаще всего обусловлен субъективными представлениями говорящего о тезаурусе слушающего.

Во втором случае парафраз возникает в речи как результат недопонимания слушающим информации, которое выражается при помощи уточнительного вопроса или просьбы повторить сказанное.

Слушающий прибегает к парафразу, если хочет удостовериться в правильности восприятия информации.

Регуляция межличностного общения происходит в парафразе - уточнении, парафразе - толковании, парафразе - пояснении.

Парафраз создает одинаковые условия восприятия информации для партнеров по коммуникации, приравнивая их информационные тезаурусы.

РУССКИЕ: К ВОПРОСУ О САМОПОЗНАНИИ

Мы продолжаем исследования Н.В.Уфимцевой особенностей мира современных русских (Уфимцева, 1996). Н.В. Уфимцева рассматривает культуру, вслед за Л.Н.Гумилевым, как систему сознания, связанную с определенной этнической системой. При таком подходе естественным будет рассматривать это этническое сознание в его языковой форме как один из объектов, изучение которого может вскрыть особенности образа мира, присущего представителям того или иного этноса.

Сознание или осознание чего-то - это всегда ограничение, придание определенной формы тому или иному обобщению, которое стоит за словом. Одним из способов выявления специфики образов сознания носителей культуры является исследование ассоциативных норм (ассоциативных словарей). Ассоциативные словари являются результатом обработки массовых экспериментов, проводимых по методике свободного ассоциативного эксперимента. Анализ материалов Ассоциативного тезауруса современного русского языка дает возможность выявить круг понятий, наиболее существенных для современного русского языкового сознания, т.е. для образа мира современных русских. А.А.Залевской (Залевская, 1981) был проделан такого рода анализ по материалам Ассоциативного тезауруса английского языка (Kiss and all 1972). Было выделено 75 слов, которые она назвала "ядром лексикона" и которые характеризуются значительно превышающим среднее для всей ассоциативно-вербальной сети число связей с разными единицами вербальной сети. Н.В.Уфимцева также отобрала для анализа 75 слов, имеющих наибольшее число связей с разными единицами ассоциативно-вербальной сети по результатам первых двух этапов АТ. Появилась возможность сравнить языковое сознание русских и англичан с тем, чтобы познать самих себя.

Образ мира современных русских имеет в своем центре ЧЕЛОВЕКА. В русском языковом сознании движение идет от общего (человек родовой) к конкретным его проявлениям, а в английском - наоборот от части *me (cl) - man* (мужчина) к целому *people* (люди). Мужчина и девушка (женщина) имеют примерно одинаковый вес в сознании и у русских и у англичан. Существенным отличием является полное отсутствие в русском языковом сознании понятия *личность*, а для английского языкового сознания оно очень важно. Зато весьма несущественным (по сравнению с русским языковым сознанием) является такое понятие как *друг*, оно практически замыкает ядро английского языкового сознания, а в русском - открывает. Связан английский *друг (friend)* с совершенно другими реалиями. Это знакомство (*acquaintance 135*), компаньон (*companion 67*), коллега (*colleague 60*), товарищ (*comrade 50*), приятель (*buddy 36*), сосед (*neighbour 36*) и т.д. В русском

сознании наиболее важными реалиями являются: дом, жизнь, друг, деньги, радость, дело, день, лес, любовь, работа, стол, дорога, разговор. Для англичан же наиболее важными реалиями являются: sex, money, work, food, water, time, life, love, car, house, death, home.

Сравнение образов денег, успеха и здоровья в сознании русских и англичан позволяет сделать вывод о явно экономическом мышлении последних. И в русском и в английском образах мира существенными являются одни и те же четыре цвета: красный, белый, зеленый, черный, - в такой последовательности они располагаются в ядре русского языкового сознания. В английском образе мира: black, red, white, green. При этом для английского языкового сознания цветовая характеристика является более важной, чем для русского. Приписывание оценок также имеет свои особенности в русском и английском языковом сознании. Сходным являются наиболее распространенные пары оценок: хорошо и плохо. Но в ядре русского языкового сознания присутствуют следующие пары оценок: хорошо - плохо, большой - маленький, хороший - плохой, быстро - долго. И оценка как бы смещена в сторону признака положительного. В ядре английского языкового сознания представлена только одна такая пара оценок: 3 good - 6 bad, тогда как важная для русских оценка 7 "большой" занимает лишь 63 место в ядре английского языкового сознания. Сравнение понятия успех в образе мира современных англичан и русских позволяет сделать вывод о том, что русскому человеку присуща большая эмоциональность. Так, в русском образе мира успех прежде всего большой (40), огромный (28), полный (12), колоссальный (6), блестящий, потрясающий (5), бешеный, грандиозный, ошеломляющий, шумный (4), громкий (3), безусловный, головокружительный, громадный и др. (2). 15,5% всех реакций в ассоциативном поле составляют прилагательные (не считая существительных типа головокружения, триумф), отражающие восторженное, как к чуду отношение к этому понятию. Оппозиция неудача (11) лишь на девятом по рангу месте в ассоциативном поле. У англичан же оппозиция провал, неудача (49) - самая часто встречающаяся реакция в ассоциативном поле понятия успех. Дальнейший анализ показывает, что сознанию англичан свойственно хотя в целом и безусловно положительное, но не столь эмоционально окрашенное как у русских отношение к этому понятию. Сравнение понятия здоровье в представлениях англичан и русских подтверждает, как нам представляется, вывод Н.В. Уфимцевой о так называемом русском коллективизме. Для русского человека оказывается важным здоровье людей (5), народа, человека, мамы (4), матери, сына (2), ближнего, близких, детей, друга, жены, любимой, папы, семьи и др. (1) В ассоциативном же поле англичан лишь один раз появляется "что-то" здоровье: нации national (1).

За внешним сходством формальной структуры ядра языкового сознания русских и англичан стоят разные образы мира. Английское языковое сознание является сознанием социального существа, направленного на внешний мир, и демонстрирует необходимые для успешной рыночной экономики особенности протестантско-

го образа мира, вполне логичного и законченного в самом себе.

Образ мира современных русских имеет другую направленность. Русское языковое сознание направлено и на себя, и на другого, в котором оно видит, прежде всего, друга, хорошего человека. Можно сказать, что сознание русских - это сознание "другоцентрическое". Русские живут как бы по оси я - он и во внутреннем пространстве. Русский - это скорее человек думающий и / или говорящий и все оценивающий. Вообще стремление все оценить, приписать всему определенное качество - это неотъемлемое свойство русского менталитета, отражающегося и в языковом сознании и в коммуникативном поведении (Стернин, 1996).

Система сознания, которая выявляется в результате анализа данных массового ассоциативного эксперимента, скорее всего определяется этническими стереотипами поведения русских и англичан и не осознается каждым отдельным носителем культуры, т.е. принадлежит коллективному бессознательному данного этноса. Однако именно эта определенная системность сознания или образа мира влияет на поведение (и определяет его) представителей того или иного этноса.

Р.П. Бекетова

Курганский государственный университет

ПОНЯТИЙНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ)

Имя существительное есть основное средство номинации. Оно обозначает субстанции (предметы, явления, понятия) объективной реальности. Объективная действительность, мир живой и неживой природы многообразны. Имя существительное как одна из языковых форм отражения объективной действительности обозначает ее многообразие в лексических единицах.

Языковой знак — имя существительное обозначает различные субстанции объективного и субъективного мира: живые существа, предметы вещества, явления природы, чувства человека, понятия и т.д. В каждом этносе многообразие объективного мира, признаки субстанций находят своеобразное отражение, ср. различие категориальных сем в именах существительных русского и французского языков, обозначающих один и тот же предмет: йсуреил n.m. — белка ж., archives — архив, sentinelle n.f. — часовой м., bicyclette n.f. — велосипед м. и т.д.

Различия в отражении признаков субстанций закрепляются в названиях лексико-семантических классов имен существительных: конкретные (абстрактные, одушевленные), неодушевленные, считаемые/несчитаемые и т.д., в названиях грамматических категорий: род, число и т.д., в семантике лексических единиц.

В словарях французского и русского языков имена существительные как лексические словарные единицы представлены в одной из грамматических форм числа, как правило, единственного. Имена существительные, имеющие форму только множественного числа, сопровождаются дополнительной пометой («мн» - в русском языке, «ре» — во французском). Все имена существительные отмечены пометой «п» (nom). Ср.: *stylo n .m., feuille n.f ., prolegomenes n.m. pl .* (ручка, лист, пролегомены мн.). Грамматическое число словарной единицей определяется формой слова, вне зависимости от соотношения с количеством предметов объективной действительности, ср.: *lunettes n .f. pl., archives n.m. pl., foule n.f.* (очки мн., архив, толпа). Грамматическая категория числа есть форма существования имени существительного как лексической словарной единицы.

Классифицирующая категория рода фиксируется в словарях французского языка пометой о принадлежности словарной формы имени к одной из грамматических категорий рода. В отличие от французского языка в русском языке имя существительное в форме множественного числа нейтрально по отношению к категории рода.

Признаки одушевленности /неодушевленности, дискретности/ не дискретности не имеют особых помет в словарях, но входят, как и семы рода и количества (числа), в семантику лексической единицы.

Соответственно особенностям языка понятийные категории могут найти формальное грамматическое выражение. Так, имена существительные, имеющие словарную форму единственного числа, неоднородны с точки зрения их соотносительности с лексико-семантическими классами: конкретные /абстрактные; единичные/ общие; считаемые /несчитаемые и т.д. Особенностью французского языка является то, что категоризирующие семы, объединяющие имена существительные в лексико — семантические классы по признаку считаемости /несчитаемости, находят свое формальное выражение при актуализации имени в синтаксисе, особенно в постглагольных позициях. В зависимости от категоризирующих сем считаемости /несчитаемости имя существительное во французском языке в отличие от русского актуализируется особыми грамматическими показателями: неопределенным или партитивным артиклями, соответственно приобретает маркированную синтаксическую форму: *Jean mange une pomme et du pain* (ср. в рус.: Иван ест яблоко и хлеб). Таким образом, грамматическое значение единственного числа представлено в синтаксисе французского языка в отличие от русского двумя формами в соответствии с категоризирующими семами лексико-семантических классов имен существительных.

Грамматическая категория числа в оппозиции ее сем: единственное/ множественное число охватывает, как и в русском языке, только класс считаемых существительных, обозначающих дискретные субстанции: *table — tables* стол — столы.

Таким образом, словарная форма имени как в русском, так и во французском языках вбирает в себя ряд сем: рода, количества (числа). Категоризирующие семы понятийных категорий могут найти свое формальное грамматическое выражение в оппозиции грамматических форм соответственно особенностям языка.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АРГОТИЗМОВ НОРМАТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧЬЮ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Лингвистические исследования последних лет характеризуются возрастающим интересом к познанию механизма совершенствования средств лексической номинации, к выявлению тенденций семантического и стилистического развития слова и лексического национального фонда в целом. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение проблемы использования нормативной литературной речью различных видов ненормативной речи, а в частности арготизмов.

Как в русском, так и во французском языкознании вопросы взаимоотношений арго и литературного языка изучены недостаточно. Между тем, эта проблема становится все более актуальной в связи с интенсивным развитием арго в ряде стран, в частности, во Франции, где отмечается существенное изменение роли арго в языке, а также значительное количественное и качественное увеличение художественной «арготической литературы».

«Сейчас уже никто не считает, что арго является условным языком типа эсперанто и волапук. Его появление и развитие объясняются нормами, общими для всех языков» (Dauzat A. *Les argots*. Paris, ed. Delagrave, 1956 . p. 21).

Арго в целом входит в языковую систему и подчиняется ее основополагающим законам. Арго пользуется тем же фонемным составом, ему присущи те же грамматические категории.

Специальных работ, посвященных проблемам соотношения арго и языка французской художественной литературы известно немало, но все они касаются лишь вопросов выделения и описания стилистических функций арготизмов в художественном тексте. Проблема же соотношения нормативных и ненормированных средств в литературном тексте не ставилась.

Нами был проведен анализ текстов различных функциональных стилей с целью выявления степени проникновения арго в нормативный французский язык.

Мы предположили, что арго не могло ни возникнуть, ни существовать изолированно от общенародного французского. Оно развивается на его базе и проникает в его лексическую систему.

Как показали наши наблюдения над языком газеты, арго встречается даже в таких жанрах публицистического стиля, как жанр выступлений. В публицистическом стиле арготические элементы быстро теряют свою специфику и пополняют ресурсы разговорного пласта. Многие разговорные лексические единицы, характерные для публицистического стиля современного французского языка, совсем недавно представляли собой арго. Например, такие арготизмы как *gazer*, *bachot*,

rabber, siffler «нейтрализовались» и уже не воспринимаются как таковые.

Арго зачастую присутствует и в подсознании современного француза. Отсюда — использование отдельных арготизмов в рекламе. Так появляется мотоцикл Motobecane (io becane — машина), средство для ращения ресниц Miretta (от mirettes-глаза) (Galliot M. Essai sur la langue de la gïclame conte mporaine. P,1962. p. 229).

Неудивительно, что в художественной литературе, которая чутко отражает явления, происходящие в языковой действительности, большинство арготизмов вводится сейчас прямым способом, без всяких пояснений. Предполагается, что читатель знает их или поймет из контекста за счет избыточной информации, которая в нем содержится.

Таким образом, результаты проводимого лингвистического исследования показывают, что использование арго в текстах различных функциональных стилей является довольно распространенным явлением. Необходимо определить насколько позитивным/негативным, а также продуктивным/непродуктивным может оказаться влияние проникновения арго в нормативный язык.

Ф.М.Белозерова

Курганский государственный университет

О КЛАССИФИКАЦИИ ПРОТОТИПОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПРОТОТИПАХ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале английского и русского языков)

Прототипы фразеологических единиц (ФЕ) - потенциальные фразеологизмы, словосочетания первичной или прямой номинации, метафорические или неметафорические переменные словосочетания, лежащие в основе ФЕ, составляющие ее внутреннюю форму и мотивационный фон. Прототипы фразеологических единиц образуют свою концептуальную картину, свое концептуальное поле. Концептуальное поле прототипов фразеологических единиц включает:

- 1) реалии экстралингвистического контекста (материальные и духовные, в том числе и сферы действительности, которые не даны в непосредственном ощущении),
- 2) реалии лингвистического контекста в широком и узком планах (фольклор, литературные произведения, библейские притчи и существующие в языке фразеологические единицы).

Мотивационный фон ФЕ, основанный на экстралингвистическом контексте, отражает национально-специфичные ситуации, характерные для материального производства, реальные особенности быта, природный ландшафт, флору и фауну; определенные события, отношения, ситуации, тесно связанные с человеком, поведением

людей в обществе и с отношениями между людьми; традиции, исторические события. Прототипы отражают суеверия, паралингвистические знаки, потребности, нормы, знания, убеждения, ценностные ориентации этноса.

Исследователи английской и русской фразеологии разработали достаточно подробные классификации фразеологических единиц с точки зрения отражения социально-культурного фона (Л.Смит, Л. и Р.Флейвел, В.П.Фелицына, Ю.Е.Прохорова), имеющие много общего в двух языках.

Другая классификация ФЕ основывается на общности лексемы - компонента, взятой в своем прямом значении и, следовательно, отражающей прототип ФЕ. К таким лексемам относятся соматизмы, зоонимы, названия цвета, антропонимы, а образуемые ими фразеологические единицы соответственно называются соматическими, анималистическими, колористическими, антропонимическими.

Антропонимическая фразеология занимает значительное место во фразеологических фондах английского и русского языков. Антропонимические ФЕ через свои прототипы в наиболее эксплицитной форме отражают менталитет народа. Например, ФЕ с компонентом friend раскрывают народные представления о дружбе; ФЕ с компонентом - названием человека по родственным отношениям акцентируют значение семейных отношений; ФЕ с компонентом - названием человека по профессии дают оценку профессиональной деятельности человека. В исследуемых языках отмечается тождество прототипов, например : as is the workman, so is the work - "каков мастер, такова и работа".

Прототип, внутренняя форма ФЕ лежит в основе образа. Это может представлять интерес и для выявления языковой картины мира.

Н.Н. Бочегова

Курганский государственный университет

СМЫСЛ ТЕКСТА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМИОСФЕР

Вопрос взаимодействия различных семиосфер в рамках художественного текста рассматривается нами в русле концепции диалогичности гуманитарного мышления, выдвинутой М.М.Бахтиным. В его понимании внелитературные высказывания (реплики, письма, дневники и т.п.), перенесенные в литературное произведение, меняют свой тотальный смысл. По словам М.М.Бахтина, на них падают рефлексии других голосов, и в них входит голос самого автора. Функция таких включений меняется от чисто информационной до символической, иносказательной. Функции иностилевого слова подробно и глубоко исследованы И.В.Арнольд. Нас будут интересовать высказывания более крупного порядка, диалоги текстов. По мнению М.М.Бахтина, два сопоставленных чужих высказывания, не знающих ни

чего друг о друге, если только они хоть краешком касаются одной и той же темы (мысли), неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения. Термин семиосфера заимствован нами у Ю.М.Лотмана, который рассматривал семиотический универсум как совокупность отдельных текстов и замкнутых по отношению друг к другу языков. По концепции Ю.М.Лотмана, первичным является не тот или иной текст, а “большая система”, именуемая семиосферой и только существование семиосферы делает определенный знаковый акт реальностью. В данном исследовании совокупность текстов, отражающих определенный отрезок действительности и выраженная средствами определенного функционального стиля, также понимается как семиосфера.

Анализ ряда произведений современной американской литературы позволил выявить очень интересные примеры интертекстуальности, основанные на взаимодействии различных семиосфер. Хорошо известно, что наибольший изобразительный эффект дает сопоставление достаточно далеких друг от друга понятий, сфер, стилей. В современной американской прозе мы встречаем большое количество интертекстуальных включений из языка науки, техники, специальных областей человеческих знаний, что и способствует актуализации информативной функции художественного текста, стимулирует интерес читателя за счет раскрытия перед ним достижений человеческого разума в различных, порой весьма узких сферах деятельности. Есть и другие проявления текстовой диалогичности, а именно “перекличка” с произведениями фольклора: сказаниями, легендами, преданиями, описаниями традиционных национальных обрядов, рецептов и снадобий. Смысл подобных включений - с одной стороны, подчеркнуть национальный колорит произведения за счет актуализации его национально-культурной специфики; с другой стороны - создать развернутые метафоры и символы, смысл которых раскрывается по прочтении всего произведения.

Ранее нами был введен термин “параллельный текст”, означающий сквозное дискретное цитирование одного текста, как правило, принадлежащего к нехудожественному стилю на протяжении всей нити повествования художественного произведения. Таковы романы американской писательницы Энни Прул “Корабельные новости” и мексиканской писательницы Лауры Эсквивель “Шоколад на крутом кипятке”.

В первом произведении на протяжении 27 глав из 39 автор использует в качестве эпитафий описания определенных морских узлов из реально существующих изданий - “Морского словаря” и “Справочника Эшли по морским узлам”. Смысл этих включений метафоричен. Каждый узел, в переносном смысле, это определенная жизненная ситуация в нелегкой судьбе героя, которую нужно разрешить, “развязать”, чтобы жить дальше. В соответствии со смыслом главного эпитафа к роману, также заимствованного из справочника Эшли, жизнь - это тоже узел, сложное переплетение множества обстоятельств, факторов, случайностей и определенный поступок, изменение обстоятельств может привести к изменению всего

жизненного рисунка или к его исчезновению.

Выбор весьма специфичного источника цитирования - справочника по морским узлам - обеспечивает свежесть созданной Э.Прул метафоры, т.к. известно, что чем дальше семантическая дистанция сопоставляемых в художественном образе понятий, тем ярче и выразительнее образ. Анализ ряда произведений современной американской прозы показывает, что язык науки и техники не оказывает сопротивления художественному переосмыслению, а, напротив, способствует созданию оригинальных художественных образов, отвечающих запросам информационно-насыщенного сознания читателя нашего времени.

Аналогичное явление - функционирование параллельного текста, представляющего нехудожественную семиосферу, наблюдается в романе Л.Эскивель "Шоколад на крутом кипятке". Цитируемый материал здесь представляет собой, в основном, рецепты приготовления различных блюд мексиканской национальной кухни. Использование этого материала цитирования полифункционально. Во-первых, рецепты приготовления блюд и некоторых средств народной медицины отражают национально-культурную специфику произведения. Строгий инвентарь набора продуктов, последовательность использования ингредиентов, определенность события и времени года, во время которого готовится и подается то или иное блюдо, отражает особенности культуры и менталитета мексиканского народа. Кроме того, эпиграфы из "Кулинарной книги" имеют определенный гендеристский смысл, подчеркивают адресованность данного романа, в первую очередь, женской аудитории, не исключая, однако, и более широкой категории адресатов.

Во-вторых, описание приготовления блюд и включенные в роман народные пословицы имеют дополнительный, символический смысл. Так, процедура приготовления шоколада, вынесенная в сильную позицию романа - его заголовок - это сложная метафора, описывающая развитие эмоциональных отношений Титы и Пэдро, центральных персонажей романа.

Иной характер носят интертекстуальные включения и диалог текстов в романе Сюзанны Кейзи "Прерванная девушка". Описывая основанное на собственном опыте пребывание своей героини в течение двух лет в психиатрической лечебнице, автор вводит в повествование копии медицинской карты, аутентичный лист опроса больного (анамнез), записи в больничном журнале, письменные наблюдения медперсонала, заключения врачей при выписке и т.п. с целью придания максимальной документальности и достоверности своему повествованию.

Роман С.Кейзи может быть отнесен к жанру документальной прозы, с сильной акцентуацией категории информативности, попыткой привлечь внимание к проблемам, связанным с психическим миром человека через сочетание документальной точности и тонкости художественного наблюдения.

Р.А.Бутенко

Курганский государственный университет

ФУНКЦИОНАЛЬНО – СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИНТОНАЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ж.ПРЕВЕРА

Результаты исследования последних лет в области лингвистики текста позволяют решать вопрос о функционально-семантической роли интонации текста в отображении картины мира. В качестве объектов лингвистического анализа интонологи избирают не только прозаические, но и поэтические тексты, которые принято считать разновидностью художественной картины мира, поэтической моделью мира, обуславливающей, в свою очередь, авторское видение мира, его ассоциации.

Поэтический текст по сравнению с прозаическим имеет ряд преимуществ: сравнительно малый объем, ярко выраженную образность, определенную ритмическую структуру, динамизм звучания. Интонация, расчленяя поэтический текст на смысловые куски при сохранении относительной самостоятельности строф, в то же время объединяет их в единое целое.

Интонация текста заложена внутренней речью автора, и каждая индивидуальная реализация текста является одновременно выражением общих правил использования интонационных средств в конкретном языке и способом выражения авторского замысла.

Однако каждое звуковое прочтение текста другими интерпретаторами (не автором) представляет собой новый текст, который будет более или менее адекватным авторскому замыслу. В данном случае важным условием передачи и восприятия авторского замысла в цепочке “автор—текст—интерпретатор—адресат” является владение интерпретатором и адресатом умением декодировать текст в соответствии с картиной мира, свойственной данной эпохе и данному типу культуры. Такое условие типично в большинстве случаев для поэтических текстов, так как они чаще всего доносятся до адресата через посредника-декламатора.

На наш взгляд, интерпретатор, озвучивающий поэтический текст и выступающий в роли посредника между автором и адресатом, является носителем двойной нагрузки. Он должен не только владеть способами декодирования символов картины мира, присущих автору, но и знать код восприятия данных символов адресатом, который может быть представителем другой культуры и руководствоваться иными культурными ассоциациями.

В качестве примера приведем результаты акустического анализа одного из произведений французского поэта Жака Превра — стихотворение “Барбара”. Ровесник века (р. 1900 г.), переживший две мировые войны, Превр в качестве главной темы многих своих стихотворений избрал антимилитаризм — основную идею прогрессивного периода второй половины XX века. Специфика манеры письма

Превера — отсутствие в поэтических текстах знаков препинания — также интегресна для исследователя для изучения функциональной нагруженности интонации, так как добавляется компенсаторная функция (компенсация пунктуации).

Текст стихотворения интонационно делится на две части, совершенно контрастные по способам использования таких просодических средств как мелодика, темп, пауза, система ударений. Первая часть, отражающая картину довоенной жизни — радостной и беззаботной, отличается быстрым нарастающим темпом чтения, высоким уровнем мелодических пиков по отношению к начальной и конечной позициям движения основного тона, преобладанием эмфатических пауз и ударений.

Перечисленный арсенал интонационных средств подчеркивает мажорность общей тональности и как бы подготавливает слушателя к конкретному восприятию второй части стихотворения, в которой автор стремится донести до читателя мысль об античеловеческой сущности войны — уничтожении войной всего земного. Для интонации второй части характерны пологие нисходящие тона, мелодические пики выражены слабо по отношению к контуру движения основного тона, эмфатические паузы и ударения сведены к минимуму, общую тональность отличает монотонность, подчеркивающая трагизм послевоенного опустошения.

В целом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в озвученных поэтических текстах Превера интонация полифункциональна:

- обеспечивает членение текста на смысловые отрезки и вместе с тем соединяет их в единое целое;
- выделяет по степени важности и информативности отрезки текста по отношению к его главной идее;
- является выразителем контекста;
- компенсирует средства пунктуации;
- обеспечивает эмоциональное воздействие на слушающего.

Аналогичный слуховой анализ стихотворений подтверждает функционально-семантическую роль интонации в отображении картины мира в поэтических текстах Ж.Превера, которую должен учитывать и использовать интерпретатор-посредник в звуковых реализациях.

Е.Н. Галичкина

Астраханский государственный педагогический университет

ЭТИКА КОМПЬЮТЕРНОГО ОБЩЕНИЯ

В настоящее время все более актуальной становится проблема компьютерного общения. Все большее количество людей оказываются включенными в международную систему общения, которая связывает представителей разных культур, тради-

ций и этических норм.

Этика в широком смысле слова — это совокупность принципов человеческого поведения. Компьютерная этика — это совокупность принципов и правил поведения людей общающихся в компьютерной среде. Прежде чем послать какое-либо сообщение в ту или иную группу новостей, отправлять письмо по электронной почте или участвовать в эхоконференциях, необходимо не только знать о существовании установленных правил этикета, но и соблюдать их. В случае их нарушения в ответ могут прийти письма неприятного содержания, получившие в компьютерной среде название “flames”. Существует ряд правил, следуя которым, можно избежать многих неприятностей общаясь в интернетовской среде. Этика компьютерного общения пока еще только складывается, но уже выработан ряд правил, который стал общепризнанным. Приведем самые основные из них.

Прежде чем задавать вопрос, обратитесь к разделу FAQ (Frequently Asked Questions), которые существуют у многих групп новостей. Это поможет вам познакомиться с основными проблемами, затрагиваемыми в этой группе новостей и освоить принятую терминологию.

Посылая первое сообщение, изучите характерные для каждой группы новостей принятые правила и стиль.

Электронная почта, общение в эхоконференциях и группах новостей - это общение в нереальном времени и адресат может забыть содержание предыдущего письма, особенно если ведет активную переписку. Поэтому необходимо включать отрывки исходного текста в ответ, отделяя текст послания от цитируемых писем знаком >.

Прежде чем отвечать на заданные вопросы, убедитесь в том, не ответил ли уже кто-либо на них.

Статью можно послать не более чем в одну группу новостей, а рекламу продукта или услуги только в определенную группу новостей, при этом адрес и информация по продукту должны быть краткими.

Не одобряется распространение писем - цепочек (chain - letters), так как они нелегальны. Chain - letters - это письма о том, как быстро заработать деньги, предупреждения или признания о приходе конца света, которые содержат просьбу переслать их содержание определенному количеству пользователей.

Подпись должна быть краткой.

Общаясь в компьютерной среде, мы не видим выражения лица, позы, обычно не слышим интонации и не наблюдаем эмоционального состояния собеседника. В обычном тексте зрительная передача мимики невозможна, а в компьютерном общении используется система специальных знаков — «смайликов». Для их дешифровки следует немного наклонить голову влево - тогда можно увидеть стилизованный портрет абстрактного компьютерщика в соответствующем состоянии духа. Смайлик обычно располагается сразу после высказывания, к которому он относится, либо в конце фразы и придает общению в компьютерной среде живой характер. Чаще

всего встречаются следующие «смайлики»: :-) или :) — улыбка, используется для выражения радости, удовольствия; :- (или :(- несчастное лицо; выражает сожаление или разочарование; ;-) или ;) - подмигивающее лицо; обычно выражает иронию и означает, что слова не следует понимать слишком буквально.

Существует также ряд правил, касающихся длины, содержания и формата письма. Приведем ряд примеров.

Ответ на заданный вопрос должен быть информативным. Излишняя краткость может быть расценена как невежливость.

Следует разбивать письмо на логические абзацы, чтобы облегчить адресату понимание принимаемого сообщения.

Электронная почта и общение в эхоконференциях требуют немедленной реакции. Стремясь как можно скорее отреагировать, пользователи допускают нарушение правил орфографии. Следует стремиться выражать свои мысли четко и грамотно.

Не следует отправлять письма, составленные под влиянием эмоций, поскольку они могут оказаться обидными и нарушить сложившиеся контакты.

Итак, компьютерная этика — это совокупность принципов и правил поведения людей, общающихся в компьютерной среде.

С.С.Голубева

Южно-Уральский государственный университет

КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИСПАНСКОЙ ПРОЗЫ XVII ВЕКА

Для лингвиста «культура — это прежде всего система ценностей, которые постигаются через смыслы, реализованные в языковом знаке, т. е. через текст» (Селеменев С.В., Ткаченко А.А. Школа «диалога культур»: что это /Школьные технологии. - №3 — 1996 — С. 89) В стремлении постигнуть смыслы мы обязательно столкнемся с следующими проблемами:

1. С проблемой понимания текста и его осознания в истории европейской духовной культуры.
2. С проблемой восприятия текста, принадлежащего одной культуре представителями другой.

И здесь сам текст приходит к нам на помощь, т.к. основная функция текста — быть средством социальной коммуникации, а в сфере социальной коммуникации осуществляется трансляция опыта человеческой деятельности. Опираясь текстами по нормам коммуникации, присущим определенной культуре, субъект присваивает этот опыт, внедряет его в собственное сознание. Тем самым он понимает текст. Однако многие исследователи склоняются к мнению, что без знания культурно-

исторических моделей оценок эпохи данного текста невозможны его понимание и интерпретация. Поэтому понять прозаический текст испанского барокко в рамках европейской культурно-исторической парадигмы мы можем только при одновременном рассмотрении картины мира, сложившейся в конце XVI — середине XVII вв., особенно ее эстетических составляющих.

По мнению Хосе Ортега и Гассета, эпоха барокко стала завершающим этапом исторического кризиса, главного в судьбе Европы (1350-1630 гг.). этот кризис был спровоцирован крушением научных, духовных и эстетических идеалов Средневековья и становлением картины мира Нового времени. Эпоха Возрождения спровоцировала данный кризис, но не смогла разрешить его.

Эстетика барокко возникает как оппозиция эстетическому идеалу Возрождения. На смену ренессансной идее развития общества в гармонии человека и природы, человека и государства приходит чувство дисгармонии окружающей среды, хаоса жизни. Человек предстает слабым, порочным, полным странностей и противоречий. В мире господствует Зло, подчиняющее себе человека. В восприятии художника барокко прекрасное мимолетно, идеально, принадлежит миру грез и сновидений. Поэтому место подражания природе должно занять воображение, дисциплинируемое разумом. Только воображение способно из хаоса окружающих человека явлений и предметов сотворить мозаичную картину мира.

Барокко — это динамичный, аффектирующий стиль, включающий в себя театральность, иллюзионизм, пристрастие к антитезам, сложному метафоризму. Барокко культивировало аллеорику и эмблематику, допускало смещение мифологии и христианской символики, т.е. вызывая эффект интертекстуальности. Среди основных эстетических доминант выделяют непостоянство, вызванное пребыванием образа в стадии саморазрушения, переоформления, метаморфозы; подвижность: пребывание образа в движении, вовлекающего в себя зрителя (читателя) с целью рассмотреть его с разных точек зрения; преобладание украшений, драматизм. Таковы важнейшие составляющие эстетического идеала эпохи барокко, нашедшего свое отражение в испанской художественной прозе.

Г.В.Гонга

Курганский государственный университет

МЫ ГОВОРИМ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Каждый народ, накапливая свой жизненный и исторический опыт, привыкает смотреть на мир под собственным углом зрения. Мы сумеем распознать прошлое народа и научимся предвидеть его будущее, если поймем, как люди говорят, думают и поступают, как они смотрят на мир. Важнейшую роль в этом смысле играет язык

народа. Все люди говорят на разных языках.

Язык есть наиболее существенное достояние, принадлежащее народу, самое живое выражение его характера, его самая энергичная связь с мировой культурой. В языке, как и в музыке, существуют ритм и размер. Глубокие чувства и душа народа выражаются в манере произношения. Язык народа является зеркалом его мыслей.

Самые глубокие и сложные стороны человеческих отношений могут быть выражены только при помощи слов. Ф.Ницше подчеркивал, что наибольшую силу в разговорном языке представляют не сами слова, а тон, ударение, модуляция, темп, с которыми они произносятся.

Языки формируются, развиваются, стареют и умирают в соответствии с определенными законами. Так существует тесная связь между языками и климатом. Солнце производит гласные буквы, как оно способствует росту цветов. Север изобилует согласными буквами, как льдами и скалами. Равновесие между гласными и согласными устанавливается в промежуточных языках, порожденных умеренным климатом.

Предположительно, членораздельная речь и языки начали формироваться около пятидесяти тысяч лет назад, в период, когда человек научился производить орудия из камня. Орудия и слова очень много значили в развитии человека. Новый способ общения - говорить и слушать - уживался со старым - показывать и смотреть. В наши дни в общении глухонемых, в спортивных соревнованиях официально используется язык жестов. В морском деле широко известна семафорная азбука.

Прародителем многих европейских языков, включая английский, французский, русский, немецкий, итальянский, испанский, греческий и множество языков Индии, считают древний индоевропейский язык, утерявший свое значение около пяти тысяч лет назад. Одной из разновидностей индоевропейского языка был санскрит. Полагают, что родина индоевропейцев лежала в районе трех европейских рек - Эльбы, Одера и Вислы. До нашего времени еще сохранились некоторые языки, напоминающие индоевропейский. Один из них - литовский. Возможно литовцы не слишком далеко ушли от тех мест, где в далеком прошлом была их родина.

В Индии более 350 миллионов человек говорят на наречиях, родственных древнему индоевропейскому. Всего же около полутора миллиардов человек на Земле говорят на языке, на котором когда-то говорило одно небольшое племя в Центральной Европе. Наиболее крупными языковыми семьями являются: индоевропейская, семито-хамитская, тюркская, монгольская, китайско-тибетская, австронезийская, дравидская, тайская, уральская, австроазиатская, тунгусо-маньчжурская, чукотско-камчатская. Некоторые совсем маленькие, на границе Франции и Испании, например, живет миллионный народ басков, язык которых не похож ни на один язык в мире, или индейцы "зуни" в американском штате Нью-Мехико.

При помощи речевого аппарата можно произнести большое количество звуков. Однако для каждого конкретного языка их количество ограничено. Гавайский язык обходится 16 звуками, английский - 44, русский - 50. В редком языке их

больше 60. Языки народов мира строятся в основном по одной из трех схем: по схеме коротких слов (китайцы, вьетнамцы), по схеме длинных слов (финны, эстонцы, венгры, турки), по схеме слов-предложений (баски, ацтеки, эскимосы). Расовые различия, их географические условия проживания, социальные условия не связаны со схемой построения их языка. Арабы на Ближнем Востоке так же, как русские, греки и литовцы, говорят по схеме длинных слов. Что касается англичан, немцев, испанцев, итальянцев и французов, то они используют комбинированную схему коротких и длинных слов. Каждый язык имеет свои грамматические особенности.

Начиная изучать иностранный язык, человек вступает в мир некой тайны, чего-то личного и сокровенного. Во многих странах уже давно стало обычным знание нескольких иностранных языков, благодаря чему общение с другими народами протекает намного успешнее, в чем бы оно ни заключалось: в деловом партнерстве, в посещении зарубежных стран во время деловой или туристической поездки, при частных встречах. Знакомство с языком другого народа следует начинать с прослушивания живой речи: по радио, с пластинок, слушая записи. Необходимо научиться произносить все звуки этого языка, особенно те, которых нет в родном языке. Желательно подражать как можно точнее тем интонациям, с которыми говорят на родине этого языка.

Чрезвычайно полезно чтение газет на иностранном языке. Важно с самого начала научиться думать на новом языке, а потом мысленно переводить. На некоторых языках легче научиться читать и писать одновременно, на других сначала читать и говорить, а уж потом писать. Следует помнить, что человек запоминает 1/5 того, что услышит, 3/5 того, что увидит и 4/5 из того, что ему объяснят и покажут.

Л.В.Гришкова

Курганский государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И МУЗЫКА: КОМПОЗИЦИОННЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

“Мы считаем классическую музыку экстрактом и воплощением нашей культуры, потому что она - самый ясный, самый характерный и самый выразительный ее жест”, - написал Герман Гессе в своем романе “Игра в бисер”. Одним из таких жестов стали поздние квартеты Бетховена, а много лет спустя и навеянные этой музыкой “Четыре квартета” Т.С.Элиота.

Обращение английского поэта к музыкальной аналогии вряд ли можно назвать случайностью или прихотью. Уже в начале нашего века во многих эстетических трудах утверждаются принципы взаимодействия и взаимопроникновения искусств. Характерной становится тенденция к расширению границ каждого отдельного

вида и обогащению одного искусства выразительными средствами другого. В извечных поисках большого стиля многие мастера усматривают в музыке высшую форму искусства и отстаивают тезис о решающем влиянии музыки на литературу. “Не будут ли стремиться все формы искусства, - писал А.Белый, - все больше занять место обертонов по отношению к основному тону, то есть к музыке?”

Идея сближения поэзии и музыки занимала воображение поэтов-символистов. Теофиль Готье дает пример такой аналогии, написав свою поэтическую “Symphonie en Blanc Maseur”, хотя критики считают, что это скорее пример синестезии, чем использование в поэтическом творчестве композиционных форм, присущих музыке. П.Валери считал, что уподобление поэзии музыке было символистской доктриной. Т.С.Элиот отмечает, что в этом нет противоречия, так как музыка стремится к недостижимому вневременному. И если другие искусства, по его выражению, стремятся к длительности, то цель музыки - достичь безмолвия живописи и скульптуры.

“Четыре квартета” - лирический итог творчества поэта. Он узнаваем и здесь через свое пристрастие к использованию “фольклора образованных людей” - величественного наследия литературы многих веков, но квартеты более прозрачны по символике и более легки для чтения и понимания авторского замысла.

В “Четырех квартетах” он стремился создать “...поэзию настолько прозрачную, чтобы при чтении мы обращали внимание не на самые стихи, а лишь на то, на что они указывают. Стать выше поэзии, как Бетховен в своих поздних произведениях стремился стать выше музыки”. Элиот был глубоко убежден, что изучение музыкальных произведений может многое дать поэту. Музыка открывает новые возможности организации словесного материала в стихе - лейтмотивность, репризность и контрапунктность.

Речь идет не о частных композиционных или ритмических приемах, а о принципах поэтической содержательности. “Четыре квартета” - это музыка идей, которые соединяются таким же образом, как темы в музыкальном произведении. Философские сентенции и поэтические образы сливаются воедино, и мы уже не можем сказать, где философия, а где поэзия. Вот в начале одного из квартетов “звучит” бергсоновская идея времени, идея о неразделенности настоящего и прошлого в человеческом сознании и памяти:

Time present and time past
 Are both perhaps present in time future
 And time future contained in time past.
 If all time is eternally present,
 All time is unredeemable.

Символика не может быть истолкована однозначно, но как уже было сказано выше, она достаточно прозрачна. Четыре квартета: “Burnt Norton”, “East Coker”, “Dry Salvages”, “Little Gidding” - четыре стихии по Гераклиту, четыре времени года, четыре человеческих возраста. В настойчиво повторяющихся вновь и вновь обра-

зах - музыка времени, не только уносящего, но и хранящего события и одной человеческой жизни и истории человечества.

Время настоящее, время прошедшее, время будущее и вечность - четыре темы, проходящие красной чертой через все четыре поэмы, темы взаимосвязанные и взаимопроникающие, указывающие на четыре аспекта реальности, и слово “квартет” приобретает несколько иной смысл - четыре “измерения” времени : настоящее, прошедшее, будущее и вечность - соотносятся также, как голоса инструментов в музыкальном квартете.

Л.В.Гришкова, Т.А.Менщикова
Курганский государственный университет

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В РОМАНЕ Р.БРЭДБЕРИ “451 ПО ФАРЕНГЕЙТУ”

Исследование текстовых категорий по-прежнему остается одной из важных задач современной лингвистики текста. Остановимся на двух из них, изучение которых началось сравнительно недавно, - антропоцентричность и адресованность. Антропоцентричность включает в текстовую модель отправителя текстовой информации - адресанта и ее получателя - адресата. Третьим компонентом антропоцентрического треугольника является персонаж.

Из трех антропоцентров художественной коммуникации наиболее сложной и наименее изученной, по мнению З.Я.Тураевой, является проблема адресата.

Адресованность, некое присутствие читателя в тексте О.П.Воробьева определяет как “свойство текста как вербального объекта, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретативной деятельности”. В устной коммуникации ориентация высказывания на партнера определяется как “категория контактности”. Немецкий лингвист Х.Вейнрих называет адресованность “принципом диалога”.

З.Я.Тураева со ссылкой на монографию О.П.Воробьевой под адресованностью текста понимает “материализованную в ткани текста программу его интерпретации, стратегию объективации образа читателя - фиктивного и идеального”. На первый план выдвигается эстетика адресата, которую можно рассматривать как часть рецептивной эстетики.

Мы рассматриваем языковые средства категории адресатности в произведении, принадлежащем к жанру научной фантастики, - романе американского писателя Р.Брэдбери “451 по Фаренгейту”. Исследователи отмечают существование различных форм адресованности: прямой и косвенной, внешней и внутренней. Задачей нашего исследования является участие ассоциативных полей художественного тек-

ста в формировании плана выражения (а, следовательно, и плана содержания) текстовой категории адресованности.

Ассоциативные поля (или парадигматические отношения) - это связи, которые устанавливаются между элементом или множеством элементов данного текста и элементами и множеством элементов, находящимися за его пределами. Какой элемент вступает в ассоциативную связь, значения не имеет. Важно, чтобы эта связь была воспринята адресатом. Другие термины, обозначающие данные явления - межтекстовая когерентность (Е.И.Шендельс), ассоциативная когезия (И.Р.Гальперин), интертекстуальные включения (И.В.Арнольд).

Роман Р.Брэдбери имеет обширные ассоциативные поля. Это связано с его содержанием. В обществе будущего, которое описывает автор, царствует супертелевидение, книги запрещены, их сжигают, а владельцев отправляют в сумасшедшие дома. Граждане живут во внешне благополучном механизированном и стандартизированном мире, где, как кажется в начале романа, гибнут последние остатки духовности. Жена главного героя целые дни проводит в своей гостиной с тремя телевизионными стенами и мечтает о четвертой. Она смотрит нелепые телевизионные сериалы с бессмысленными диалогами, и призраки разговаривают с нею со стен. Р.Брэдбери тонко и ненавязчиво дает читателю понять, какими опасными могут стать некоторые тенденции в жизни современного ему общества, когда средства массовой информации формируют вкус и потребности людей.

На другом полюсе - люди, которых называют реликтами и изгоями. В конце романа Гай Монтэг встречает множество таких людей, которые хранят в своей памяти содержание сожженных книг.

Предполагаемый адресат романа Брэдбери - современный читатель, и вполне естественно, что автор апеллирует к его жизненному и культурному опыту. Фактором внешней и эксплицитной адресованности можно считать второй эпиграф романа: "Если тебе дают lined бумагу, пиши поперек". Огромное значение приобретает в романе адресованность библейских цитат. Источники должны быть известны читателю. Это Экклезиаст и Апокалипсис. Цитаты эти занимают сильную позицию текста - его конец. В них глубокий гуманистический смысл: прошла пора разрушений, настало время созидания:

To everything there is a reason. Yes. A time to break down, and a time to build up. Yes. A time to keep silence and a time to speak.

Заключительный символ романа - древо жизни:

And on either side of the river was the tree of life, bearing twelve kinds of fruit, yielding its fruit every month; and the leaves of the tree were for the healing of the nation.

Имплицитная адресованность рассчитана на более внимательного и возможно более образованного читателя. В разглагольствованиях капитана пожарных Битти мы неожиданно для себя узнаем... знаменитые уитменовские каталоги: "Nineteenth century man with his horses, dogs, slow motion, then in the twentieth century speed up your

camera. Books cut shorter. Considerations. Tabloids. Everything boils down to the gag, the snap ending”. Параллель очевидна, но цель этих перечислений совершенно иная. В каталогах Уитмена - растущая, развивающаяся страна, которая была для него воплощением демократических идей. В каталогах Р.Брэдбери - приметы жизни другой Америки - Америки пятидесятых годов нашего века.

Ассоциативные поля оказывают значительное влияние и на жанровую специфику романа, превращая его в роман-антиутопию.

Н.Ю.Комарова

Курганский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИИ

Социальная коммуникация определяется как обмен действиями порождения и интерпретации текстов, т.е. как текстовая деятельность, в ходе которой выясняется, способны или не способны люди понимать друг друга. Психологи называют этот подход лингвосоциопсихологическим. Он позволяет исследовать социальную коммуникацию, с одной стороны, в качестве универсального социокультурного “механизма”, ориентированного на обеспечение взаимодействия социальных субъектов (а соответственно, на воспроизводство и динамику социокультурных норм и образцов такого взаимодействия), а, с другой стороны, - как интернациональную и целеобусловленную деятельность, осуществляемую людьми в контексте проблемных жизненных ситуаций, которые находятся у истоков любых социально значимых процессов.

Текстуальный или семиосоциопсихологический подход к изучению коммуникации значительно отличается от подхода, доминирующего пока в психолингвистических исследованиях. Семиосоциопсихология исходит из того, что для анализа коммуникативных процессов категорий “речь” и “дискурс” недостаточно, к тому же, если тому и другому уподобляется категория “текст”. Эту категорию нужно рассматривать с двух позиций: 1) лингвистической (фонема - морфема - лексема, или слово - словосочетание - предложение - сверхфразовое единство - текст как речь или дискурс); 2) коммуникационной (слово = элементарный знак - высказывание - содержательно-смысловой блок - текст как сложный знак наиболее высокого порядка, или иерархия коммуникативно-познавательных программ).

Во втором случае основное внимание сосредоточено не столько на том, “о чем?” и “как” говорится в тексте, сколько на том, “почему?” и “ради чего?” этот текст порожден, т.е. в чем состоит коммуникативное намерение того, кто его создает. Такой подход открывает возможности для изучения и регулирования качества вза-

имодействия людей друг с другом.

Информатизация ведет к возрастанию роли человеческого фактора в современном обществе, в результате чего человек, его психика, сознание выдвигаются на первый план. В этом мире нет места искусственным междисциплинарным преградам. Отсюда и исходит проблема межкультурной коммуникации, особое место отведено переводчику как участнику и посреднику в этом процессе.

Теория социальной коммуникации как текстовой деятельности, или семиосоциопсихология исследует механизмы включения сознания не только в воспроизводство социальности как таковой, но и в воспроизводство и развитие мира. Социальная функция состоит в ориентации на социальное партнерство, диалог, на формирование “коммуникативных сетей”, в которых возникают, развиваются и взаимодействуют различные субъекты социокультурного действия.

Люди вынуждены принимать решения, и их деятельность направлена на поиск средств, необходимых для выхода из проблемных жизненных ситуаций. Такие ситуации не совпадают ни с объективными условиями нашей жизни, ни с нашим самочувствием в данный момент. В поисках выхода из таких ситуаций люди используют все доступные им средства, в том числе и коммуникативные. Поэтому порождение текста - это результат стремления решить эту проблему.

Но необходимо отметить, что конструирование и интерпретация текста, т.е. текстовая деятельность, не сводится только к речевому поведению, а сводится к использованию тех или иных языковых средств в организованном речевом потоке, отрезками которого и являются тексты. Социокультурная коммуникация содержит идею опредмечивания в актах знакового общения специфической потребности социальных субъектов в диалоге и партнерстве. Таким образом, налаживается смысловой контакт, при порождении и интерпретации текста-сообщения возникает “эффект диалога”.

“Эффект диалога” как смыслового контакта является ключевым для семиосоциопсихологической концепции социально-коммуникативного процесса. Но вместе с понятием “коммуникация” используются и “псевдокоммуникация” (попытка диалога) и “квазикоммуникация” (подмена общения). Поэтому следует обращать большое внимание на эти различия.

В рамках семиосоциопсихологии некоторые традиционные понятия и термины наполняются новым содержанием, специфика подхода к анализу содержательно-смысловой сущности коммуникации тоже становится другой. Акценты перемещаются с инструмента социокультурного общения на состояние и активность сознания живых его участников.

Таким образом, семиосоциопсихология - это новое комплексное направление социально-психологических исследований, которое основное внимание уделяет знаковому общению как обмену текстуально организованной смысловой информацией.

*О.А.Коник, Т.В.Подберезных
Курганский государственный университет*

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

При исследовании понятийного аппарата различных дисциплин закономерно встает проблема унификации понятий, особенно если речь идет о сравнительно новых дисциплинах или направлениях. Особый интерес представляют исследования подобных вопросов в сравнительном плане на материале разных языков.

Объектом нашего исследования является терминология лингвострановедения (ЛС).

В качестве предмета нами были взяты единицы, используемые отечественными и французскими исследователями для обозначения основных понятий лингвострановедения, в частности, понятие «реалия».

Базой исследования являются работы отечественных ученых Г.Д.Томашина, Л.Г. Ведининой, Миньяра-Белоручева, О.С. Ахмановой, Конецкой, французских ученых М.Бирама, Ж.Зарат и др.

В нашей работе мы использовали также словари Larousse, Dictionnaire etymologique, Le Petit Larousse, Micro Robert, etc.

В ходе исследования мы пришли к выводам, что:

1) в работах отечественных исследователей проблем ЛС отсутствует единый подход в использовании терминологии:

- понятие «реалия» достаточно часто употребляется как синоним понятия «безэквивалентная лексика» (Р.К.Миньяр-Белоручев, В.П.Конечкая, В.Е.Щетинкин);

- понятие «реалия» (Г.Д.Томашин), включающее в себя несколько видов реалий, соотносится с понятиями «реалия/безэквивалентная лексика», «коннотативная лексика», «фоновая лексика» (Р.К.Миньяр-Белоручев, О.С.Ахманова, Г.Д.Томашин) или с понятиями «реалия», «квазиреалия», «универсалии» (В.П.Конечкая);

2) в работах французских исследователей, несмотря на то, что во французском языке имеется понятие «realia» для обозначения предметов действительности, вместо этого термина используется термин «reference culturelle» (культурный референт), что, на наш взгляд, более точно отражает обозначаемое явление. Подобное понимание реалий не только как особых предметов объективной реальности, но как особых референтов (элементов объектов реальности, отраженных в сознании, т.е. предметов мысли, с которыми соотнесено данное языковое выражение) находит свое отражение в работе В.П.Конечкой. Она так же как и французские авторы выделяет различные группы реалий в зависимости от их предметной области.

Наряду с термином «referencés culturelles» (культурные референты), сопоставившем с понятием «реалия», французские исследователи используют термин «realité»

(реальность), а также ряд перефраз:

- 1) mots ayant des connotations particuliere ment « riches » (слова, имеющие богатые коннотативные связи) = коннотативная лексика;
- 2) mots ayant une connotation culturelle precise (слова, имеющие определенные культурные коннотации) = коннотативная лексика;
- 3) mots ayant une charge culturelle (слова, имеющие культурное значение) = фоновая лексика;

Эти перефразы соотносятся в работах отечественных исследователей с понятиями «коннотативная» лексика и «фоновая лексика».

Таким образом, очевидно, что единого мнения относительно терминологии лингвострановедения нет не только среди отечественных исследователей, но и при сравнении аналогичных понятий в разных языках обнаруживаются расхождения, связанные со смещением значений. Проводимый сравнительный анализ терминов лингвострановедения, ориентированный не только на формальную сторону, но и на содержательную сторону, доказывает, что термин детерминируется не только объектом исследования, но и особым осмыслением данных понятий в разных языках.

Н.В. Коровкина

Российский государственный педагогический университет им.

А.И.Герцена, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Пословицы - это готовые стереотипные выражения, как правило, назидательно-го, директивного или комментирующего характера. Однако в процессе речевого общения смысл пословицы варьируется. В условиях реальной коммуникации происходит приращение разнообразных новых смыслов, обусловленных конкретной коммуникативной ситуацией, коммуникативным намерением говорящего. При функционировании в различных сферах коммуникативной деятельности меняется их функционально-семантическая направленность, что и приводит к модификации смыслов.

Пословицы выступают как средство выражения иронии, критики, упрека, совета, побуждения к действию или удержания от него.

Пословицы функционируют также и как интеракциональные единицы, воздействующая сила которых становится важным прагматическим фактором, т.е. пословицы, с одной стороны, отражают упорядоченные речемыслительные процессы, характерные для автоматизированного этапа речевого взаимодействия, с другой стороны, они отражают контекстно и ситуативно обусловленные смыслы. В диалогическом дискурсе пословицы выполняют текстообразующую функцию, выступая в

качестве зачина, поддержания и завершения акта коммуникации.

Пословицы представляют собой своеобразный «культурный код» (термин Е.Ша-дунц). Они отражают тип мировидения, присущий конкретной языковой культуре, систему идеологических стереотипов, образов, символов общественного сознания того или иного этноса, этических и эстетических приоритетов определенного сообщества.

В разных ситуациях пословицы могут передавать одно и то же значение с помощью разных реалий. Так, русской пословице «в Тулу со своим самоваром не едут» соответствует английская «don't carry coals into newcastle». Национальное своеобразие пословиц проявляется не только в содержании, но и в языковой форме, когда одна и та же ситуация отражается в двух языках выражениями разного лексико-грамматического состава. Так, например, в русском языке для выражения понятия упрямства, неговорчивости используется пословица «нашла коса на камень», а в английском языке оно находит свое выражение в пословице «greek meets greek».

Таким образом, культурно-национальная специфика пословиц может касаться и плана выражения, и плана содержания.

Е.М.Костерина

Курганский государственный университет

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ЧАСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКА

Сообщение посвящено проблеме межкультурного общения и коммуникативного поведения.

С 50-х годов началось изучение функционирования языка в различных ситуациях общения: в предписанных обществом формах и нормах поведения, в общественных и религиозных церемониях, при выражении радости, горя, дружбы и вражды во взаимоотношениях людей разных рангов, слоев и т.п. Стали исследоваться речевые особенности средств массовой коммуникации и их воздействие на разные слои населения (стиль общественных выступлений, пропаганды, рекламы), а также процессы овладения языком детьми и отражение в речи индивида условий его происхождения, воспитания и окружающей его социальной среды. Эта проблематика получила дальнейшее развитие в социолингвистике. Социологическое направление в языкознании возникло на рубеже 19 и 20 веков, хотя социальная природа языка отмечалась еще Дж. Локком, В фон Гумбольдтом, французскими энциклопедистами и создателями этнической психологии. Язык определяется прежде всего как средство общения и основой считается коммуникативная функция языка. Учи-

тываются также и результаты психологии и социологии, которые развиваются одновременно с социологическим направлением. В США язык трактовался как историческое наследие коллектива, которое предшествовало становлению материальной культуры, а с ее возникновением и развитием сопутствовало ей. Эти идеи впоследствии легли в основу этнолингвистики и так называемой антропологической лингвистики в США. Эти ответвления делают акцент на проблеме «язык и культура». На данном этапе актуальной становится постановка вопроса взаимодействия культур посредством языка.

Межкультурные коммуникации - активно развивающаяся область социологии и психологии в США и других странах мира. Мир «сжимается» на глазах, разные страны становятся все ближе друг к другу через частые и все более четко определенные контакты. Поэтому природа взаимоотношения между культурами становится вопросом повышенной важности. Влияние культуры страны на способы коммуникации должны учитываться наряду с чисто языковыми умениями и навыками как в деловом, так и в образовательном общении.

Коммуникативное поведение - важный аспект современного изучения языка. Мы определяем коммуникативное поведение как нормы и традиции национальных особенностей общения.

Хорошее владение традиционными речевыми навыками (чтение, говорение, понимание, письмо, перевод) не позволяет иностранцу совершать максимально эффективный коммуникативный акт с носителем языка пока существует момент «коммуникативной безграмотности». Серьезное недопонимание может даже вызвать конфликт. Поэтому коммуникативное поведение является неотъемлемой частью владения иностранным языком.

Нормы и традиции национального коммуникативного поведения подпадают под два основных принципа: правила для обязательного соблюдения (вежливой речи, вербального этикета) и правила для необязательного соблюдения, хотя их придерживается большинство людей (традиции, обычные темы обсуждения).

Описание национального коммуникативного поведения включает в себя вербальное поведение, невербальное поведение и социальный символизм. Сюда также входят коммуникативные табу и коммуникативные императивы. Они могут быть вербальными и невербальными, строгими и нестрогими. К социальному символизму относятся национальные особенности понимания некоторых материальных объектов и явлений (значение, придаваемое цвету, языку цветов, подаркам, одежде).

Коммуникативное поведение есть система норм и традиций. Изучение и описание этого феномена строится на сравнении и противопоставлении.

Все это должно учитываться в курсе преподавания иностранного языка. Мы считаем, что следует максимально расширять круг кросс-культурных интересов учащихся не только через изучение специфических аспектов иностранной культуры (пища, праздники, достопримечательности и т.п.), но и через моделирование и обсуждение вопросов и проблем, возникающих в реальном общении представителей

двух или нескольких культур с учетом возможных коммуникативных барьеров.

Источниками информации могут служить аутентичные материалы: современная литература, публицистика, видеозаписи, фильмы, современная музыка и, конечно, непосредственные контакты с представителями данной культуры.

Особая роль принадлежит преподавателю языка. Он является не только тренером, учителем, тем, кто обучает языковой деятельности, но и «представителем» изучаемой культуры в классе, источником знаний о представителях этой культуры в частности и месте этой культуры в общечеловеческом культурном контексте.

Сообщение планируется построить на примерах из курса видеопрактикума с использованием ситуативных примеров из литературы и личного коммуникативного опыта автора.

Е.Н.Кузнецова

Курганский государственный университет

ПАРАДИГМА ПРОПОЗИТИВНОГО ПОДЛЕЖАЩЕГО

Объектом предполагаемого исследования являются предложения, позиция подлежащего которых занята единицами пропозитивной семантики: придаточными предложениями, инфинитивом, герундием и событийным именем. За такими предложениями закрепилось названия осложненных.

Осложненные предложения с точки зрения формально-грамматической организации являются простыми, а с точки зрения смысловой организации - сложными. На денотативном уровне осложненным предложениям соответствуют не элементарные экстралингвистические ситуации, а такие, в состав элементов которых входит количество признаков больше одного. Семантическая структура осложненных предложений представлена сложными предикатными выражениями, в которых один из предикатных знаков находится в зависимом положении от другого. Но в поверхностной структуре эти предложения имеют общую формально-грамматическую организацию с элементарными простыми предложениями. Осложненные предложения характеризуются отсутствием изоморфизма между планом выражения и планом содержания.

Основная цель исследования состоит в выявлении закономерностей семантико-синтаксической организации английских простых (осложненных) предложений с событийным подлежащим. Прежде всего необходимо сопоставить содержательные и формальные характеристики подлежащего в статике, т.е. изолированно от предложения, в котором оно функционирует. Эта операция отрыва носит условный характер. Но она необходима для того, чтобы иметь возможность описать семантический субстрат событийного подлежащего, формы его реализации, их морфологические и

комбинаторные особенности.

В настоящем исследовании рассматривается абсолютное подлежащее абсолютного предложения как принадлежности языковой системы, поэтому в качестве референта событийного подлежащего будем рассматривать сигнификативную абстрактную ситуацию. Сигнификативная абстрактная ситуация - это схематичное отображение, которое воспроизводит лишь членение объективного факта на определенное число отдельных элементов, а также типы и функции этих элементов.

В работе типовые абстрактные ситуации выделяются по характеру признака, организующего элементарную ситуацию, т.к. именно признаки определяют способ существования или проявления объектов.

Выбранным за основу для классификации типовых абстрактных ситуаций признакам на семантическом уровне соответствуют предикатные значения, которые на синтаксическом уровне в позиции подлежащего оформляются единицами пропозитивной семантики при соответствующем лексическом наполнении.

В работе выделяются 4 типа абстрактных сигнификативных ситуаций:

1. ситуация, содержащая признаковый элемент “действие”;
2. ситуация, содержащая признаковый элемент “отношение”;
3. ситуация, содержащая признаковый элемент “состояние”;
4. ситуация, содержащая признаковый элемент “качество”.

Каждый из типов имеет свои определенные параметры. Подводя итоги характеристики типовых ситуаций, представляется возможным выделить в каждой из них по одной переменной, которая отличается от всех возможных остальных: в ситуации № 1 - это источник действия; в ситуации № 2 - исходный предмет; в ситуации № 3 - испытывающий внутренний процесс; в ситуации № 4 - носитель качества.

В.А. Лебединская

Курганский государственный университет

МИКРОПОЛЕ С КОМПОНЕНТАМИ БОГ И ЧЕРТ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ

Проблема “этнос — культура — язык” неисчерпаема, стороны ее бесконечны. Пространство “культуры” — это стихия, отражающая глубину сознания этноса, стихия, заключающая в себе драматизм и парадоксальность связей этнического мироощущения и миропонимания. Язык любого народа фиксирует диалектику его культуры, диалектику его ментальности. Одной из форм существования культуры, наиболее древней, постоянно меняющейся, является религия, поэтому рассмотрение взаимосвязей и взаимодействия языка и религии как двух, не единственных, форм

общественного сознания находится всегда в поле зрения представителей разных наук. Огромная трудность заключена в анализе многослойных, разнонаправленных воздействий языка на религию и религии на язык. Фразеологические мифологемы “бог” и “черт” позволяют увидеть некоторые тенденции в развитии ментальности русского народа.

Современный русский язык насыщен фразеологизмами с компонентами бог и черт. Сплошная компьютерная выборка этих фразеологизмов из более чем двухсот произведений русской литературы 19 – 20 века выявляет неопровержимую (не только лингвистическую, кстати) закономерность: русские употребляют в своей речи фразеологизмы с компонентом черт в три раза чаще, чем с компонентом бог. Возможна различная интерпретация этой пропорции в разных сферах человеческого знания, однако это не является задачей нашего исследования, в котором затрагиваются лишь лингвистические аспекты функционирования фразеологизмов с исследуемыми компонентами.

Существительное бог образует фразеологизмы реже, чем прилагательное божий. Разнообразна семантическая палитра единиц, включающих в свой состав компонент божий: *мир божий, закон божий, бич божий, божий человек, божий одуванчик, божий суд, божий свет, на свет божий, храм божий, (ясный и понятный) как божий день, каждый божий день, божий дар, промысл божий, божий ангел, божий глаз, божий гром, божий вестник, божий гимн, глас божий, божий гнев, божий дух, избранник божий, пастырь божий, Помазанник Божий, путь божий, божий рай, божий служитель, страх божий, божий угодник; божья воля, божья милость, божьей волей, божьей милостью, с божьей помощью, божья роса, божья слеза, божья мать, божья рука, божья коровка, божья рать, птичка божия, напасть божия, божья душа, искра божья, божья душа, загубить божью душу, божья власть, все во власти божьей, все в руке божьей, божья благодать, божья кара; образ и подобие божье, царство божие, веление божье, отродье божье, Божье знамение, дело божье, божье благословение, имя божье, слово божье, творение божье, божье наказание и др. Диапазон семантики — от номинативной до релятивной, графическая, морфологическая, синтаксическая вариативность характеризуют эту фразеологию.*

Прилагательное чертов явно уступает по фразообразующей активности: *чертов сын, чертова дочь, чертовы дети, чертова бабушка, чертова мать, чертова пропасть, чертова ведьма, чертова сволочь, послать к чертовой матери (бабушке), чертов иуда, чертов жид* и некоторые другие. Мрачный список не очень длинен, но частотность употребления этих фразеологизмов большая.

Существительные бог и черт также различаются по фразообразующей активности. Имя бога даже во фразеологии не поминается всуе. Компонент бог (боже) встречается в таких фразеологизмах, как *боже мой, боже правый, боже упаси, помогай бог, боже сохрани, молиться богу, молиться двум богам сразу, молиться своим богам, богом обиженный, бог в помощь, дай бог, не дай бог* и др.

Компонент черт создает разнообразную по структуре и семантике фразеологию: *черт полосатый, хромой черт, черт с рогами, черт баба, черти с собачьими мордами, гонять черта, приходится сродни черту, стать черту братом, без черта не обойтись, черта с два, ни один черт и др. под.*

Фразеологическое микрополе с компонентами бог, черт и их производными нуждается в дальнейшем многостороннем исследовании.

Г.П. Левченко

Курганский государственный университет

АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

При рассмотрении вопроса о заимствованиях важно учитывать, что наше время характеризуется выходом кругозора человека за пределы государственных границ и рамки собственно национального мышления. Интернационализация политической, деловой, культурной жизни, появление общих ценностей, становление единой цивилизации обуславливают, даже требуют применения слов, которые будут понятны всем и везде.

Эта новая цивилизация сегодня в качестве источника пополнения словарного запаса выбирает английский язык. Computer, baby, business, roller (-skate) не нуждаются в переводе ни на русский, ни на немецкий языки.

Системы ассимилируют их с точки зрения фонетики, орфографии и грамматики. Во многих случаях наблюдается некоторый, иногда даже значительный, семантический сдвиг.

Исследования позволяют говорить о сохранении традиционных тенденций заимствования:

- Усвоение иноязычной лексики вместе с предметами, понятиями языка-донора (Computer, Kontakt, Stress, Komplex). Такие заимствования ни у кого не вызывают протеста.

- Заимствование слов, уже имеющих эквиваленты в системе родного языка. Одна из синонимичных лексем в таком случае может быть вытеснена, либо произойдет «специализация» значений (Teenager - Backfisch).

Как показывает история развития языка, судьба обеих групп заимствований складывается по-разному. Так, немецкий язык с течением времени выбрал удачную германизацию от Aeroplan - Flugzeug, от Passagier - Fahrgast. И можно только предположить, как он поведет себя по отношению к Party. Может быть, этот англицизм пройдет путь французского Fete и станет немодным. Но сейчас актуально звучат Partystil и Partykleid.

Срез неологизмов современного немецкого языка демонстрирует огромное ко-

личество англицизмов. Конечно, не нужно на основании этой волны, которая существует к тому же только несколько десятилетий, говорить о какой-то опасности для национальных языков, но явление это, безусловно, заслуживает внимания.

В немецкий язык как результат изменившихся темпов европейской коммуникации и благодаря современным средствам информации - компьютеру, телевидению, радио и прессе проникает и усваивается множество англицизмов, которые уже не могут восприниматься как «чужеродные», поскольку принадлежат огромной, международной сфере и нет никаких оснований заменять такие общепонятные слова на немецкие.

Видимо, можно говорить даже об интернационализации определенной части англицизмов. Эта лексика прекрасно соответствует языковому чувству современного человека, обладает большой силой проникновения, поскольку в ней находят воплощение дух времени, стиль жизни.

О.А.Мальцева

Курганский государственный университет

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

Процесс понимания художественного текста многосложен. Аспект, на котором хотелось бы остановиться - проблема определения характера художественного произведения, его структуры, жанровой и прочей принадлежности и т.д. Вопрос о жанровой принадлежности произведения послужит примером, поскольку отнесение текста тому или иному жанру существенно способствует пониманию. Иногда читателю помогает сам автор: Н.В.Гоголь называет “Мертвые души” поэмой, А.П.Чехов - свой “Вишневый сад” - комедией, Ю.М.Лотман определяет “Сотворение Карамзина” как роман-реконструкцию, отмежевываясь от привычного биографического жанра, и т.д. Эти подсказки тем более важны для читателя, что они неожиданны, они указывают ракурс восприятия, настраивают читателя. Но чаще всего - это задача, которая стоит перед читателем. Иногда даже в том случае, когда с жанром как будто все ясно. Так, кто станет спорить, что “Гамлет” - трагедия? А Роберт Стуруа ставит знаменитую пьесу как трагифарс, и читатель, став зрителем, оказывается поставленным в новые условия - иное определение жанра диктует необходимость иного восприятия. Здесь важно отметить два момента. Во-первых, стремление читателя-исследователя терминологически определить художественное произведение (сколь ускользающей ни была бы его эстетическая природа, а потому невозможным окончательное решение проблемы) - не есть самоцель, но путь к его постижению. Во-вторых, обозначенная выше проблема много шире и решение ее

осложняется целым рядом фактов и причин. Рассмотрим некоторые из них.

Всякое произведение существенно важно рассматривать в контексте литературной эволюции. Ю.Н.Тынянов писал в свое время о том, что изучая произведение изолированно, нельзя быть уверенным, что мы правильно судим о его конструкции, поскольку литературу следует рассматривать непременно как ряд, систему, соотношенную с другими рядами, ими обусловленной. Развивая эту мысль можно добавить, что сложность литературной эволюции определяется также тем, что литературные эпохи не сменяют друг друга, а вызревают одна в другой. Разнообразные стили мышления и стили изложения сосуществуют в одном времени, в рамках одной литературной эпохи, которая получает свое название как правило по тому явлению, которое определяет собой парадигму этого времени. Сложность процесса литературной эволюции еще и в том, что понимание - процесс, то есть время, течение которого может быть неограниченным, привносящим новые смыслы, изменяющим подходы, трансформирующим радикальным образом наше восприятие а) в свете того положения аналитической философии, согласно которому текст не описывает мир, а вступает с ним в сложные взаимоотношения, б) в свете главного тезиса философской поэтики М.М.Бахтина о том, что текст не застывшая сущность, но диалог между автором, читателем и исследователем.

В контексте диалога между культурами в "большом времени" особенно важным является положение теории интертекстуальности, согласно которому источники текста существуют не только до текста, но и после него; и в явление, которое мы называем интертекстуальностью, следует включать тексты, созданные после произведения. Мысль Леви-Стросса о том, что текст, вплетенный в бесконечную ткань культуры, является ее "памятью", причем "помнит" не только культуру прошлого и культуру настоящего, но и культуру будущего, очень важна для рассматриваемой здесь проблемы. С ней связаны многие "жанровые открытия" современности. Так, оформление и осознание оппозиции утопия: антиутопия со времени появления трех великих антиутопий - "Мы" Е.Замятина, "О дивный новый мир" О.Хаксли и "1984" Дж.Оруэлла - позволило по-новому взглянуть на другие, намного более ранние произведения Г.Уэллса, М.Шелл, Дж.Свифта, которые, пользуясь терминологией Леви-Стросса, "помнят" все, что будет после; они полны элементами грядущих антиутопий.

У рассматриваемой проблемы иногда возникает, условно говоря, этнический аспект. "Разговор" книг в большом пространстве культуры складывается подчас весьма причудливо. Изучение в школе литературы вносит, естественно, некоторую системность и историзм в чтение. Но где на свете тот человек, который читал бы только по программе? С другой стороны, вопрос о естественно большей близости читателю книги, написанной на его родном языке, очень часто вторгается в индивидуальную картину хронологии искусства. Какую книгу вероятнее всего прочтет русский читатель прежде: "Сентиментальное путешествие" Л.Стерна или "Письма русского путешественника" Н.М.Карамзина? Вопрос риторический. И если ему

доведется-таки прочесть книгу Стерна, то он много сильнее почувствует, с одной стороны - парадоксальность, капризность, экстраординарность стернианского повествователя, а с другой - совершенную особенность карамзинского путешественника. Следование "обратной", ретроспективной интертекстуальности представляется важным при анализе художественного произведения.

Парадигматический принцип, о значении которого Ролан Барт писал в связи с анализом знаковых систем, может явиться отправной идеей, определяющей подход к сложной интертекстуальной ткани современного художественного произведения, если само понятие "парадигма" толковать более широко - как одномоментное поле существования ассоциаций, как неосызаемое богатство культурной памяти. При этом идея парадигматического принципа может быть, естественно, истолкована как необходимость признания значимости парадигматического мышления для определения характера и понимания литературного произведения.

Ю.А.Нетесова, Т.Л.Маханова

Курганский государственный университет

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

Мы видим, что в каких-то отношениях наши идеи похожи на идеи других (Универсализм), а в каких-то отношениях они различаются. Чтобы приступить к сопоставлению наших идей с идеями других, нужна единая мера. Концепт - объект идеальный. Если концепт - объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то естественно, что одному и тому же слову в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Использование термина концепт связано с расширением предметной области лингвистики. Тем самым не только разные языки "концептуализируют" (т.е. преломляют) действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты.

Концептуализация может быть доступна только применительно к языку, носителем которого мы сами являемся.

Концептуальные универсалии, разработанные в языке, могут быть использованы для сравнения культур без этноцентрической предвзятости, решающую роль можно отвести языковым и лексическим универсалиям.

Исследования по межъязыковой семантике обнаруживают, что если одни из широко используемых в межкультурных исследованиях понятий являются сугубо западными или же сугубо англоязычными, то другие распространяются на разные культуры в гораздо большей степени, а некоторые оказываются универсальными.

Универсальные понятия обеспечивают куда более прочный фундамент для изучения культур, чем те, которые замкнуты в одной культурно-языковой системе.

Универсальные понятия универсально лексикологизованы, т.е. во всех языках воплощены в словах, также существуют универсальные понятия, не воплощенные в словах. Чтобы описывать и сравнивать культуры, нужны слова - понятия просто не годятся.

Многие понятия, которые были полезны при анализе различных культур, оказываются лексически воплощенными во всех языках мира. Эти понятия могут образовать прочный фундамент для попыток построить универсально значимую психологию культуры и говорить о духовном единстве человечества, несмотря на разнообразие его культур.

Наличие универсальных понятий дает основание не отказывать сравнительной антропологии в способности решить ее двойную задачу толкования различных культурных миров, охватывая при этом разнохарактерность человеческой культуры с помощью такого подхода, который способен представить их как значимые и доступные пониманию и в то же время сопоставимые.

Понятие "self" является культурно обусловленным образованием, "person" не является - то или иное слово со значением "person" или "someone" (кто-то) присутствует во всех языках, что свидетельствует о существовании соответствующего понятия в том концептуальном универсуме, в котором участвуют говорящие на любом из имеющихся языков.

Понятие "mind" (сознание, ум, разум) укоренилось в психологии, философии и каждодневном дискурсе англоязычного мира настолько прочно, что его широко используют в качестве отправной точки.

Любая этническая модель (психология собственного этноса) соответствует этнической модели, действующей в любой другой культуре мира: несмотря на существенные различия в психологии разных этносов, описанные в литературе представления о "личности", которая "думает", "хочет", "чувствует" и "знает", оказываются универсальными.

Данные о лексических универсалиях позволяют выделить определенный аспект врожденной формы психологии этноса. Существо этой психологии может быть связано с универсальными понятиями "кто-то", "думать", "знать", "хотеть".

В набор универсальных кирпичиков понятий в обязательном порядке входят также понятия "people" (люди), равно как понятия "хороший" и "плохой", и это все, что требуется для построения составных понятий, сочетающих "чувство" с социальной и моральной озабоченностью.

В действительности, краеугольным камнем в дискурсе каждой культуры является наряду с понятием "кто-то" понятие "люди". Во всех языках есть слова для понятия "люди" и это понятие нельзя свести к простому множеству человеческих индивидов. Понятие "people" как социальная категория утвердилось в качестве неотъемлемого компонента концептуализации человеком мира.

Цель психологии культуры состоит в том, чтобы ликвидировать разрыв между “духом” и “культурой”. В целях ликвидации этого разрыва между “духом” и “культурой” рассуждать о них по-новому можно в терминах “культурно обусловленных сценариев”.

В культурно обусловленных сценариях выражаются такие правила, которые говорят нам, как быть личностью среди других личностей, т.е. как думать, как чувствовать, как хотеть, как говорить с другими людьми. Правила являются для данной культуры специфическими, они сопоставимы и доступны пониманию в контекстах разных культур.

Нарождающаяся наука - психология культуры - требует прочных концептуальных основ. Такие основы могут быть обеспечены общими для всех людей понятиями, которые лексикализировались во всех языках мира и в терминах которых все комплексные и специфические для данной культуры значения могут быть установлены с тем, чтобы затем использовать их в различных сопоставлениях.

Таким образом, существует набор общих для всех людей понятий (выведенный на основе языковых данных) в качестве возможных концептуальных основ для психологии культуры. Они могут служить одним из средств межкультурных исследований для обучения.

О.К.Овчинникова

Курганский государственный университет

“ОБРАЗ МИРА” В ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Неповторимый индивидуальный облик каждой культуры есть результат особой, свойственной лишь данной культуре, системы организации элементов опыта, которые сами по себе не являются уникальными и повторяются во множестве культур (Маркарян, 1978).

Согласно теории деятельности, первопричиной этой особой системы организации опыта в рамках той или иной культуры является специфика предметной деятельности представителей той или иной культуры, которая лежит в основе формирования их психики (Уфимцева Н.В., 1994).

Конкретной формой, в которой реально происходит осознание людьми окружающего их объективного мира, является язык. Языковое сознание вообще и значение слова как его фрагмента есть форма структуриации и фиксации общественного опыта людей, знаний о мире (Леонтьев А.Н., 1975). “...Основные формы языка с его синтаксическими структурами формируются в процессе активной деятельности человека, отражающей реальные отношения объективного мира, включая те, в которые человек вступает, активно отражая мир” (Лурия, 1975).

В психолингвистических исследованиях язык рассматривается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования. Языковое сознание как опосредованное значениями близко к тому пониманию, которое вкладывается в понятие “образ мира”.

Образ мира - это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии (Леонтьев А.Н., 1996). Сознание человека, пишет А.Н.Леонтьев, “это не плоскость, даже не емкость, заполненная образами и процессами. Это и не связи отдельных его “единиц”, а внутреннее движение его образующих, включенное в общее движение деятельности, осуществляющей реальную жизнь индивида в обществе. Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания”. По словам В.П.Зинченко, “если предметная область, называемая сознанием, не дана непосредственно, ее нужно принять как заданную, сконструировать” (Зинченко В.П., 1991). В схеме структуры сознания выделяется два слоя: рефлексивный (или рефлексивно-созерцательный) и бытийный слой. При этом смысл и значение образуют рефлексивный слой сознания, а биодинамическая ткань деятельности и действия и чувственная ткань образуют бытийный слой сознания. Компоненты этой структуры не являются независимыми, поскольку они имеют общий источник происхождения - действия. Именно действие “предметное” и “социальное” является тем источником, который выполняет в онтогенезе формообразующую функцию, и именно в нем заключены движущие силы развития сознания (Зинченко В.П., 1988).

Язык и сознание рассматриваются как два соотносящихся вида рефлексивного бытия человека, при этом считается, что первый является способом указания на второе, иными словами, язык рассматривается как интерпретирующее, а сознание как интерпретируемое.

Кросс-культурные исследования позволяют установить в содержании образов сознания не только универсальное, но и национально-специфическое.

Исследуя динамику и вариативность языкового сознания, выделяют систему инвариантных “образов мира”, присущих тому или иному этносу. Такой инвариантный образ мира непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами. “В значениях, которые “производятся” обществом, но функционируют в деятельности и сознании конкретного индивида, отражаются особенности мироощущения и самооценки представителя того или иного этноса” (Уфимцева Н.В., 1994).

Возможны различные способы выделения специфики образов сознания носителей той или иной культуры. Она может быть сформулирована как результат сознательного самоанализа, а может быть следствием специально организованных экспериментальных исследований. Ассоциативные нормы среди экспериментальных исследований по выявлению специфики образов сознания носителей той или иной культуры занимают особое место. Как правило, ассоциативные нормы являют-

ся результатами обработки массовых экспериментов, проводимых по методике свободного ассоциативного эксперимента. Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула - это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании "среднего" носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов. Объектом нашего экспериментального исследования является языковое сознание носителей английского и русского языков. Материалом анализа образов сознания носителей английского языка является ассоциативный тезаурус Киша (Kiss and all, 1972), а материалом анализа образов сознания носителей русского языка - "Русский ассоциативный словарь" (Ю.М.Караулова, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова, Н.В.Уфимцевой, Г.А. Черкасовой).

Данное экспериментальное исследование направлено на выявление функциональных возможностей биодинамической и чувственной ткани бытийного слоя сознания в развитии значения и роли бытийного слоя сознания в системе организации опыта изучаемых культур.

С.М. Одинцова

Курганский государственный университет

АВТОР, ГЕРОЙ И ТЕКСТ В ПРОЗЕ В. МАКАНИНА

Текст литературного произведения индивидуален, неповторим, в нем тесно связаны содержание и выражение, единство которых обусловлено авторской концепцией действительности. Автор — «носитель напряженного целого... произведения», «сознание сознания» (М. Бахтин). По Б. Корману, автор — это «субъект (носитель) сознания, выражением которого является все произведение или их совокупность». Рассматривая литературу как форму выражения авторского сознания, можно обнаружить и своеобразие индивидуально-творческого сознания, воплощением которого является текст как целостность.

Прозу В.Маканина относят к экзистенциальному течению современной литературы, что связано с его представлением о человеке и художественными формами, которые он избирает для создания «завершенного целого».

Семантика названия повестей и рассказов писателя соотносится с текстом как целостностью, выделяя доминанту характера героя («Гражданин убегающий», «Антилидер», «Человек свиты», «Предтеча»), или акцентируя суть ситуации («Отдушина», «Простая история», «Голубое и красное»).

Писатель обращается к ментальности национального характера, изменяющегося с драматическим движением истории. С этой точки зрения интересны характеры

героев в «Голубом и красном», сохраняющие тесную связь с традиционными представлениями о русской ментальности, и характеры героев в «Антилидере», «Гражданине убегающем» или в «Голосах», возникшие на национальном горизонте в результате сложных социально-исторических процессов, во многом трансформирующих ментальность.

Автор порой скрывает архетипическое под причудливым сращением странного, социально и психологически ущербного, но бесконечно трогательного в своей беззащитности перед жестокостью мира / в «Отставшем» герой может быть соотнесен с таким архетипом, как Иванушка-дурачок, хотя, разумеется, национальный сказочный герой во многом переосмыслен автором: бескорыстие, преданность и его «заслуги» / там, где ночует отставший, находят золото / не вознаграждены. Лешка отторгнут от мира людей, в которых автор видит мало человечности. Философский смысл произведения парадоксален: отставший оказывается там, где нужно, а ушедшие вперед, только вернувшись на его место, находят золото. Отставший оказывается первым.

Авторские ассоциации причудливо соединяют судьбы и характеры, обнаруживая в странном и случайном нечто закономерное (Лешка сопоставлен с отцом писателя).

В авторском сознании В.Маканина нигде социальная среда не связывается прямо с доминантой личности, в человеке всегда остается нечто метафизическое, не объясняемое причинно-следственными связями.

Пространство и время в произведениях В.Маканина тесно связаны с «горизонтом видения» автора, поэтому его герой включен в бесконечность. Автору свойственна «генетическая» память и стремление в дали веков услышать «голоса», которые «звучат, нет-нет и распирая тебя генетической недоговоренностью». Автор композиционно стыкует «сейчас» и «когда-то», явь и сон, легенду и реальность, вымысел и факт...

Временные перебои композиционно сопоставляют настоящее и прошлое, «давно прошедшее» и развязку сюжета, чтобы из одного времени виделось что-то важное в другом времени; границы времени подвижны для авторского сознания, осмысляющего героя в контексте определенной целостности. Композиционная мозаика у В. Маканина не игра смыслами, как у постмодернистов, а углубление авторской мысли в психологические стереотипы и странности современного человека.

На сюжетно-композиционном уровне авторское сознание часто воплощается благодаря использованию «конфузной ситуации» (по определению В.Маканина), когда не совпадают общий поток жизни и человек со своей личной проблемой, когда нарушается житейское равновесие (хотя такое нарушение может стать «нормой» — в «Голосах», например). При этом «конфузная ситуация» может подчинить себе характер («Ключарев и Алимускин», «Отдушина», «Простая история»), но характер может стать и выше этой ситуации (больной мальчик Колька в «Голосах», «отставший» Лешка, Мари, Наталья в «Голубом и красном»). В. Маканин

умеет включать в текст те «расширяющиеся минуты» - «выхлопы, выбросы души», которые открывают потаенную суть человека.

Субъектная организация художественного текста является для писателя важнейшей формой выражения. В ряде произведений дан персонифицированный автор. Его «Я» объемлет метатекст (основной текст), созидая его из отдельных текстов на основе внутритекстовых ассоциаций («Голоса», «Отставший», «Квази»). При этом автор выступает как носитель и жизненной, и формообразующей активности. Использует В.Маканин и безличное повествование, однако авторская точка зрения легко взаимодействует с «точкой зрения» героя, порой до «взаиморастворения» («Где небо сходилось с холмами»). Голоса героев — «носителей жизни» и голос автора — носителя «единства формы», взаимодействуя, сообщают особую интонацию объективности повествования от третьего лица.

Словесный уровень текста у В.Маканина отличается «языковой свободой», отдельные слова и выражения выделены курсивом, оформлены как вводные конструкции, смыслообразующую роль выполняют повторы. Все это выражает индивидуально- авторское сознание писателя.

Л.Б.Озорнина

Курганский государственный университет

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

В ряд актуальных проблем современного языкознания входит изучение процессов формирования терминологических систем. Потребность в наименовании для вновь возникающих понятий может удовлетворяться самым различным образом, в том числе за счет заимствований, словосложения, аббревиации и т.д. В этой связи возникает вопрос, какая роль отводится наименованиям, созданным посредством метонимического и метафорического переносов.

Результатом как метафорического так и метонимического переноса является то, что слова приобретают одно или несколько значений, т.е. полисемия. Механизм функционирования для обоих переносов тоже общий и состоит в том, что главное значение слова переносится на другие понятия таким образом, что одно слово может подчиняться нескольким понятиям одновременно.

С терминологической точки зрения метафорический способ наименования был присущ наиболее ранним способам формирования терминосистем. Как правило, основой для переноса становились предметы домашнего обихода и части тела: *Auge* - глаз, глазок, ушко (технический термин); *Kopf* - голова, головка (гвоздя); *Wange* - щека (часть лица), щека коленчатого вала; *Ampulle* - ампула, от греч. амфора.

Рядом исследователей отмечается, что одним из главных качеств таких наименований является ясность и прозрачность «внутренней формы», т.к. при переносе по сходству новый термин сохраняет один из признаков исходного слова, хотя часто и он подвергается частичному изменению. Метафорические наименования в достаточной степени субъективны. Субъективизм выражается в том, что хочет выделить специалист в данном явлении.

Этим «что» могут быть внешние аналогии или какая-то особо запоминающаяся часть. Так, например, многие медицинские термины созданы на основе сходства формы или цвета (Augapfel, Gelbsucht).

Метафорические наименования образны и экспрессивны, но приобретая терминологическое значение, они теряют эмоционально-стилистический момент и стилистическую окрашенность, т.к. термин лежит вне оценки.

В силу влияния ряда лингвистических и экстралингвистических факторов (в том числе: углубляющаяся специализация языка науки, компьютеризация, повышение уровня образования) в современных стандартизированных терминологических системах наблюдается спад в использовании образных наименований. Специалисты подчеркивают, что всякое использование образных наименований в корне чуждо системам терминов, созданных путем логической абстракции, поскольку в настоящее время доминирующими способами образования являются логический критерий и критерий системности.

В силу этого все более встречающимся способом терминообразования является метонимизация. Метонимический перенос осуществляется на основе логических отношений между предметами и категориями, принадлежащих действительности: Chirurgie - отрасль знания и учебник этой отрасли знания; Anästhesie - отсутствие чувствительности и общее название методов обезболивания; Plombe - пломба и свинец - Plumbum, из которого ее первоначально изготовляли.

Среди терминов, образованных в результате метонимического переноса, многочисленную группу образуют термины - антропонимы, возникшие в результате метонимического переноса имен авторов, изобретателей и первооткрывателей в какой-либо области науки, техники и др.: единицы Ohm, Volt, Amper, Watt, Hertz - единицы электротехнических измерений; Röntgen, Basedow - медицинские, Fuchsie, Zinnie, Magnolie - ботанические.

Эти термины органически входят в лексико-семантическую систему языка и подчиняются ее законам. В немецком языке они получают артикль (das Bakelit, der Zeppelin), вступают в систему парадигматических отношений, изменяются по падежам. Метонимия, в отличие от метафоры, исходит из того, что на самом деле имеет место. Признак, который вызывает ассоциацию, не может быть вымышленным, следовательно, она более объективна и поэтому предпочтительнее для терминообразования, чем метафора, в основе которой может лежать несуществующий признак. Связь с обозначаемым предметом при метафоризации остается условной, а мотивированность опосредованной. Метафора субъективна, т.к. она опирается во многих случа-

ях на приписываемые признаки, отражая тем самым видение мира словотворца и в большинстве случаев эспрессивна, что и делает метафору прежде всего средством образности.

Е.Р.Ратушная

Курганский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Русские фразеологизмы, являющиеся важной составной частью языковой картины мира, ярко выражают национальные особенности русского народа, его мироощущение, нравственные ориентиры. Особое место в выражении русского менталитета с помощью языка занимают фразеологизмы, обозначающие человека. Эти фразеологизмы, отражающие личность русского человека во всем многообразии ее проявлений, обозначают лицо по самым различным свойствам, признакам: 1) по биологическим, физическим свойствам (рост, пол, внешность, особенности зрения, слуха и т.д.), например: верста **коломенская**, **гадкий утенок**, **глухая тетеря**; 2) по социальным свойствам (общественное положение, профессия, семейное положение и т.д.), например: **большая шишка**, **канцелярская крыса**, **последняя спица в колеснице**; 3) по свойствам характера, способностям, моральным качествам и т.д., например: **светлая голова**, **божья коровка**, **олух царя небесного**.

Фразеологизмы со значением лица непосредственно направлены на человека, поэтому они наиболее ярко передают особенности русского национального характера, отражают нравственные устои русского народа: искренность, правдивость, открытость, откровенность, ум и сметливость, милосердие, любовь к ближнему и т.д. Система нравственных ценностей русского народа отчетливо выступает через разветвленную систему оценок, выраженных во фразеологизмах. Фразеологизмы, обозначающие человека, проникнуты яркой оценочностью, эмоциональностью — составляющими коннотативного компонента, обязательно присутствующего в семантике фразеологизмов со значением лица. Фразеологизм не только называет человека по какому-либо признаку, но и выражает национальное отношение к названному качеству. Так, положительную оценочность имеют фразеологизмы, обозначающие человека доброго, чуткого, отзывчивого: **большое сердце**, **золотое сердце**, **добрая душа**, **золотая душа**.

Позитивно оцениваются и такие качества, как трудолюбие, высокий профессионализм (**мастер своего дела**, **артист своего дела**, **на все руки мастер**). Исторически в русском языке сложилась система формул социального этикета — общепринятые вежливые обращения к человеку (**молодой человек**, **ваше благородие**,

милостивый государь, милый друг и другие), в которых отразились такие качества русских людей, как учтивость, доброжелательность, вежливость — русские этические нормы поведения.

Русский человек добродушно иронизирует над недостатками людей — забывчивостью, рассеянностью, нерасторопностью и т.д., что выражается в иронической, шутливой эмоционально-экспрессивной окрашенности соответствующих фразеологизмов (*голова дырявая, горе луковое* и другие). Подвергаются порицанию такие негативные качества человека, как лень, трусость, бессердечие, алчность, жадность, болтливость и т.д.: фразеологизмы *ленивая тетеря, заячья душа, каменное сердце, загребушие руки, длинный язык, бесструнная балалайка* содержат коннотативные семы “отрицательная оценочность”, “неодобрение”, “осуждение”. Наибольшему осуждению подвергаются такие человеческие пороки, как жестокость, агрессивность, коварство, подлость и подобные; фразеологизмы, обозначающие человека с такими качествами (*бешеная собака, гад ползучий, змея подкодная, продова душа, чертова кукла*), характеризуются резко отрицательной оценочностью, выражают гнев, негодование, возмущение, имеют бранный характер.

Среди фразеологизмов, обозначающих человека, преобладают единицы с негативной оценочностью, т.к. положительные явления воспринимаются русским народом как норма и поэтому подробно не анализируются; напротив, негативные отклонения от нормального положения дел вызывают к себе неприятие, отрицательную оценку, осуждение и т.п., что находит отражение во фразеологизмах с отрицательной коннотацией. Так, среди фразеологизмов, обозначающих интеллектуальные свойства, способности человека, положительную оценку выражают 7 единиц, а отрицательную — 35 единиц.

Таким образом, во фразеологизмах со значением лица ярко выражаются основные особенности русского национального характера. Своеобразным показателем нравственных критериев русской нации является развитая во фразеологии система коннотаций, в которой отражается положительная или отрицательная оценка различных качеств человека.

А.Н.Саливон

Курганский государственный университет

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК КОМПОНЕНТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Понять духовную, общественную, религиозно-церковную, политическую жизнь средневековой Европы можно только с учетом сложного переплетения центробежных и центростремительных сил. Главным интегрирующим фактором разноэтни-

ческого европейского населения выступало католическое христианство. Не случайно богословы, хронисты, говоря в своих сочинениях о христианстве, имели в виду всю совокупность народов католической Европы. Вера в Христа объединяла народы и стояла выше всех различий - государственных, национальных, языковых, правовых. Современная французская историография ("Школа Анналов") называет локальную средневековую европейскую цивилизацию "Христианским миром" или "Христианской европейской цивилизацией". Ее синонимичное обозначение - "латинское христианство". Латинский язык был языком церкви, государственного делопроизводства, международного общения и культуры. Общеизвестно, что образованным в средние века считался тот, кто владеет латынью, и такой человек повсюду чувствовал себя как дома. Это второй важнейший объединительный фактор европейского общества. Однако, для выявления ценностей христианской европейской цивилизации ограничиваться, на первый взгляд, бесспорно очевидным фактом интегрирующей роли латинского языка недостаточно. Дело в том, что средневековая культура (цивилизация) не сводилась только к так называемой латинской официальной культуре. Она была насквозь двуязычной. Люди столетиями привыкали мыслить на одном языке, а писать и проговаривать молитвы на другом. Возникает много вопросов о влиянии латинского языка на умственный инструментарий (менталитет) разных социальных слоев средневекового населения, его функциях в "ученой" культуре и культуре "безмолствующего большинства". Не следует забывать, что латынь, как и всякий язык, развивалась и изменялась в зависимости от эпохи, от условий региона. Особый интерес, в этой связи, вызывает ее роль в освоении нелатинского мира, формировании романских языков как контекст проблемы встречного пересечения и взаимодействия культур. В образованных кругах латынь закрепляла иллюзию континуитета средневекового и римского мира, скрывая качественные различия двух эпох. Наиболее прочными позиции латинского языка оставались в богослужении. По другим аспектам жизни средневековья анализ источников позволяет утверждать, что государственный управленческий аппарат, законодательство не находилось в жесткой зависимости от употребления латинской письменной традиции и речи. Латынь, как подмечено медиэвистами-правоведами, в государственной сфере недолго оставалась необходимым инструментом, нередко превращаясь в своеобразный декоративный атрибут делопроизводства. Подобное можно наблюдать и в латинской литературе, например, в лирике вагантов. В песнях вагантов перемешивались, чередовались строки на латинском и народном языках. Такое одновременное использование двух языков, одного - понятного, другого - непонятного для слушателей, видимо, объясняется не столько стремлением заострить внимание на сюжете, сколько блеснуть художественным эффектом, поэтическим изяществом.

Живой реальностью средневекового Запада было постепенное и неуклонное торжество народных языков. Остановить этот процесс церковь не могла, несмотря на все ее усилия трактовать разноязычие как зло, как препятствие для утверждения

на земле Царства Божьего. Не помогал здесь наполняемый в проповедях яркими красками “катастрофический” символ Вавилонской башни. Даже в университетах официальная монополия латинского языка сочеталась с этнолингвистическим плюрализмом “наций” студентов и преподавателей. Отдельные схоласты отказываются от догматической абсолютизации “святой” латыни, утверждая, что все языки способны привести к истине. Здесь, по меткому наблюдению современного французского историка Жака Ле Гоффа, чувствуется крах тоталитарного идеала средневекового общества и готовность движения к национальной и религиозной терпимости. Роль латинского языка в самодостаточности христианской европейской цивилизации была неоднозначной.

Г.М.Самойлова

Курганский государственный университет

ПРОБЛЕМА “ДОМИНАНТЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО” В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ (“Хаджи-Мурат” Л.Н.Толстого в контексте 20 века)

Под “доминантой бессознательного” понимается обычно тот устойчивый комплекс ощущений и чувствований, который настойчиво и почти незаметно повторяется в творчестве писателя. Определяющим для Льва Толстого можно считать принцип “сожжения мостов”, во многом формирующий его внутренний строй. Этот принцип глубоко соотнесен и с русской ментальностью. Суть его в том, что прошлое безоговорочно перечеркивается, освобождая место для новых конструкций и идей. Отсюда всегдашняя распахнутость жизни гениального автора, его готовность уловить и воспроизвести все, что еще только витает в воздухе.

Однако при анализе литературных творений Льва Толстого многие исследователи часто видят в гениальном авторе лишь эпигона его ранних творений. Подобной печальной участи не избежал и “Хаджи-Мурат”, появившийся в самом начале 20 века, но воспринимаемый обычно в контексте ностальгических воспоминаний автора о годах юности, связанных с николаевской эпохой.

Какой-либо повтор, пассивное возвращение к прошлому было чуждо натуре Толстого. Бесконечная игра богатырских сил, разрушающих и вновь создающих, настораживала современников. Им казалось, что ничего прочного и основательного автору не удастся создать. В письме В.Бошкину от 17 февраля 1857 года И.Тургенев упоминал Толстого: “Я довольно часто вижу с ним, - но также мало понимаю его, как и прежде. Страстная, причудливая и капризная натура. И притом самая неудобная для жизни с другими людьми. И весь он полон разными сочинениями, почти ежедневно изменяющимися. Большая внутренняя работа, но работа,

похожая на гексионовскую” *.

Действительно, каждое произведение создавалось Толстым как бы заново. Чтобы беспрепятственно идти вперед, он мог “зачеркнуть” даже собственную “Войну и мир”, назвав величайшее произведение “многословной дребеденью”. А творческая мощь писателя была такова, что даже незадолго до смерти его творческое сознание будоражили мысли о новом романе.

В “Хаджи-Мурате”, раскрытом всем ветрам 20 века, Толстому удалось уловить основной нерв надвигающейся эпохи. Прогностическая устремленность этого произведения не замечена исследователями, обычно скованными стереотипами, не учитывающими индивидуальную “доминанту бессознательного” каждого автора.

В “Хаджи-Мурате” Толстым намечено противостояние естественного героя, любящего жизнь, бездушному и безликому социальному механизму, с тупой неуклонностью свершающему свою чудовищную работу. Неплохие люди, окружающие Хаджи-Мурата в России, убивают его за то, что он захотел увидеть свою семью. По приказу образованных, цивилизованных людей свершается варварский поступок. Жуткое чувство испытывает знакомая Хаджи-Мурату женщина при виде отрезанной головы своего недавнего собеседника.

Алогизм и иррациональность происходящего заключаются в том, что система функционирует по своим, враждебным личности законам. Что-то машинное, механическое, неотвратимое чувствуется в абсурдном отсекновении головы хорошего человека неплохими, в общем-то, людьми. Выход на историческую арену неуправляемых социальных сил остро подчеркивал нелепость и безумие происходящего. Толстому удалось показать явление дикого варварства в цивилизованном обличье 20 века.

Этим веком под сомнение было поставлено святое человеческое право на жизнь, адвокатом которой чувствовал себя писатель. В поэзии нового времени страшное противостояние индивидуального и безлично-общего емко и трагично будет выражено О.Мандельштамом:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей...

В прозе “Тихий Дон” Шолохова подхватит глубинный толстовский посыл. Смертельная схватка красных и белых, затягивающая в себя и перемалывающая личные судьбы персонажей, лишает человека радости жить, пахать землю, растить детей. Чудовищное черное солнце финала - символ безжалостного отношения к личности равнодушного мира, законы которого неподвластны человеку...

Таким образом, принцип “сжигания мостов”, во многом определивший “доминанту бессознательного” в мироощущении Толстого, позволил автору сохранить потрясающую свежесть восприятия, соединенную с той прогностической устремленностью, которой отличалась русская классика.

* Переписка И.С.Тургенева в двух томах. Т.1. - М., 1986. - С.382.

СТАНОВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА “УМЫВАТЬ РУКИ”

Одним из факторов, определяющих уровень культуры человека, является знание им родного языка и его истории. Следовательно, необходимо изучать историю возникновения отдельных языковых единиц, в частности фразеологизмов.

До сих пор считалось, что фразеологизм “умывать руки” в значении “отстраняться от чего-либо, снять с себя ответственность за что-либо” берет свое начало в евангельской легенде о том, как Пилат отдал толпе Иисуса для казни [1, 752]. В Новом Завете находим:

Пилат, видя, что ничего не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотри-те вы [Матфей, 27,24].

Но словосочетание с данными лексическими компонентами употреблялось гораздо раньше, еще в Ветхом Завете, в “Пятикнижии” Моисея. Нами обнаружено 75 употреблений словосочетаний, по смыслу перекликающихся с современным фразеологизмом “умывать руки”.

В этих словосочетаниях глагол “мыть” может изменяться на префиксальные дериваты (омыть, умыть, вымыть, смыть, смывать). Глагол с приставкой у- в форме несовершенного вида (умывать) не употребляется, только в совершенном – умыть.

Характерно, что с глаголом в данной форме не употребляется существительное “руки”, только “ноги” и “лицо”:

Лаван расседла верблюдов, и дал соломы и корму верблюдам, и воды умыть ноги ему и людям, которые были с ним [Бытие, 24,32].

Это объясняется тем, что речь идет о кочевниках, которые путешествовали по пустыням босиком, и перед тем, как войти в жилище, необходимо было вымыть ноги. Здесь действие практически еще не носит ритуального характера, а выполняется в гигиенических и бытовых целях.

Условное значение действия возникает в словосочетаниях с глаголом “омыть”:

И принесли ему всесожжение в кусках и голову, и он сжег на жертвеннике, а внутренности и ноги омыл и сжег со всесожжением на жертвеннике [Левит, 9, 13-14].

В данном случае имеет место обряд, в соответствии с которым необходимо было омыwać ноги жертвенного приношения.

Именно с глаголом “омыть/омывать” употребляется существительное “руки” и тоже в обрядовом значении:

И все старейшины города того, ближайšie к убитому, пусть омоют руки свои над головою телицы, зарезанной в долине [Второзаконие, 21, 6-7].

Известно, что жертвоприношения совершались с целью задобрить Бога, чтобы он не гневался на людей за их грехи. И умывая руки над жертвой, люди как бы перекладывали свои грехи на нее. Впоследствии, с исчезновением обряда, конкретная направленность действия на жертву утратилась. В современном русском языке главным в значении стал субъект, его непричастность к какому-либо греху или событию.

О том, что умывание производилось в ритуальном плане, свидетельствует сочетание глагольного компонента с корнем —мы- с различными именными компонентами. Последние могут выражать объект действия (омыть одежды, омыть тело, смывать кровь), орудие действия (вымыть водою) и место действия (омыть на святом месте):

И пусть вымоет священник одежды свои, и омоет тело свое водою, и потом войдет в стан, и нечист будет священник до вечера [Числа, 19, 7].

В “Пятикнижии” можно встретить синонимическую замену глагольного компонента с корнем —мы- глаголами с корнями —кроп-, -рош-, -мок-, -чист-: очистить одежды, очистить водою, орошать водою, омочить перст, омочить в крови, покропить кровию, кропить водою, кропить елеем. Всего таких употреблений в “Пятикнижии” 35.

В книге Пророка Захарии, более позднем памятнике, чем “Пятикнижие”, встретился субстантив от глагола “омыть” с четким указанием на то, что целью омытия было очищение, освобождение от греха:

В тот день откроется источник дому Давидову и жителям Иерусалима для омытия греха и нечистоты [13, 1].

С исчезновением очистительного ритуала в языке закрепилось сочетание лексических компонентов “умыть” и “руки”.

Как свободное словосочетание “умыть руки” употребляется в быту, имеет практическое назначение и может варьировать именной компонент: ноги, лицо, тело и т.д. При этом вид глагольного компонента свободно варьируется. Как фразеологизм “умыть/умывать руки” употребляется только с таким компонентным составом и имеет значение “отстраниться от ответственности, участия в чем-либо”. Глагольный компонент преимущественно употребляется в несовершенном виде:

Как вы уже поняли, я оказалась 248-й, и, видимо, ему теперь предстоит найти очередную, так как я умываю руки [АиФ, 1998, №51].

На наш взгляд, здесь наблюдается совмещенная омонимия свободного и фразеологического словосочетаний, то есть фразеологизм родился на основе ритуальных действий.

Фразеологизм “умывать руки” необходимо классифицировать как заимствованный из древнееврейского языка. Он стал интернационализмом, то есть фразеологизмом, который вошел во все языки через библейские тексты. Ритуал очищения, омовения совершался в древности людьми разных стран огромное количество раз. Это обусловило логику развития значения фразеологизма “умывать руки”, общего для многих языков.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (на материале фаунистической лексики)

Новая научная парадигма рассматривает язык как символический ключ к культуре, как продукт культуры и общества. Всякий элемент реальности, освоенный в человеческой деятельности, становится элементом определенной культуры и потому приобретает соответствующий смысл.

В лингвистике последних лет многие ученые обращаются к рассмотрению языка в его отношении к культуре, взаимодействию языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка.

Действительно, этнолингвистика - это уже существующее направление в языкознании, развиваемое с 20-х гг. нашего столетия. Данная дисциплина ставит в центр рассмотрения воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет, проявляющиеся в языковых процессах, в их действенной преемственности с языком и культурой этноса.

Изначально в сферу интересов этнолингвистики входили проблемы семантики. Однако в период увлечения структурализмом исследования соотношения языка и понятийных констант культуры, концептов, которые по-разному проявляются в языке и культуре, но обладают одной сущностью (смыслом) сменились разработкой методик структурно-исторического анализа, глоттохронологии (Сводеш), а затем интерес к значению снизился.

Сейчас, когда принимается более широкое понимание предмета и задач лингвистики вообще и этнолингвистики, в частности, в рамках культурной антропологии утвердился взгляд на язык как составной элемент культуры. В реально-историческом функционировании невозможно существование языка, который не был бы погружен в контекст культуры, и культуры, которая не имела бы в центре себя структуры языка.

В качестве одного из основополагающих принципов для адекватной интерпретации смысла текстов берется культурологический подход, который предполагает сочетание принципа антропоцентризма с учетом культурно-психологических особенностей познавательной деятельности, объективно присущей членам лингвокультурного социума. Он позволяет по-новому взглянуть на языковые явления и внутритекстовые процессы.

Так, имена животных отражают культурные особенности концептуализации действительности, находящейся в непосредственной природной "близости" по отношению к человеку.

Во взаимодействии с этой "одушевленной" областью мира человек не только обобщает и анализирует наблюдаемые признаки животного, но и проецирует онтоло-

гически присущие лишь человеку признаки на модели поведения животных, что находит отражение в языке. Это в первую очередь, признаки интеллектуальной деятельности, речевой, эмоциональной и волевой сфер.

Каждый тип культуры как способ присвоения совокупности знаний и оперирования концептами, вносит определенный вклад в ту или иную область значения слова. При этом есть универсалии (предметное значение, чистые концепты). Они составляют ядро значения. Другие, приобретенные в ходе эволюции в процессе этноспецифической концептуализации действительности признаки составляют ядерную зону с большей или меньшей степенью закреплённости, в зависимости от того, насколько жестко конвенционализирован тот или иной признак животного в структуре знаний представителей этноса.

С учетом культурологического подхода получает объяснение механизм формирования ядерных признаков “чистого концепта”, зооморфных и антропогенных признаков.

Зооморфные признаки формируются в культуре тотемизма.

Роль зооморфного элемента в мифологии исключительно велика. Она определяется “значением”, которое имели животные на ранней стадии развития человечества, когда они еще не отделялись от человеческого коллектива - ни в его синхроническом состоянии (включение животных в социальную иерархию, помещение священных животных на вершине иерархической лестницы), ни в диахроническом аспекте (идея происхождения человеческого коллектива от животного предка), ни онтологически (представление о животных как об особой ипостаси человека). Анималистическая система связана с представлением о нерасчленности животного и человеческого общежитий. Тотемное животное сакрализуется, табуизированное название животного составляет имя по внешнему сущностному признаку, b e a r (коричневый). Приникновению во “внутренний мир” тотема препятствует запрет. Поэтому первый культурологический пласт составляет лексика, входящая в ядерную зону семантической структуры слова. На данной стадии в структуре предикативных признаков происходит формирование зооморфного спектра.

Античная ментальность - это отдельный пласт культуры, оказавшей влияние на этногенез английской нации. Это не объективный мир в нашем смысле, а субъективная оценка мира со всеми важными для них реальностями, эпоха взрыва антропоцентризма, когда миру видимому и невидимому, включая богов, приписывались чисто человеческие черты (подвержены чувствам, порокам). Мифологические мотивы, отразившиеся в англосаксонской поэме “Беовульф”, свидетельствуют о том, что идет формирование слоя антропогенных признаков в структуре слова (Грендель - жестокий, свирепый, Беофульф - добрый). Однако наиболее активно данный семантический слой в структуре значений фаунистической лексики развивается в средневековье (бестиарии). Средневековая ментальность такова, что человек той эпохи обязательно отождествлял себя с какой-либо моделью или образцом поведения, взятым из древних текстов (Библия). В Новом Завете, который наследует

Ветхому, часть оценочных признаков того или иного животного переносится, но некоторые переосмысливаются (изначально стратификация по признаку чистые - нечистые). Для средневековой ментальности характерно истолкование самосознания, самооценки индивида через соотнесение с идеалами, моделями поведения. Такие модели поведения и личностные характеристики приписывались и животным. Отсюда - хитрость и коварство лисы, благородство льва и пр.

Таким образом, каждая эпоха оставляет свой след в формировании культурологически релевантного компонента значения.

Культурные концепты, эволюционные аспекты с позиций антропоцентрической культурологии предполагают учет смены типов ментальности, степень разделенности микро- и макрокосмоса, активного и пассивного начала.

За сменой приоритетных типов семиозиса в текстообразовании и стилеобразовании стоит смена культурных парадигм (иконический семиозис - метонимия - в мифе, метафора - в басне).

Э.И.Тэули

Курганский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОДТЕКСТЕ В РАССКАЗАХ В.БОРХЕРТА

В.Борхерт оставил заметный след в немецкой литературе. Почти все, что он написал, относится к первым двум послевоенным годам. Героями его рассказов являются люди, ставшие жертвами войны, и солдаты, прошедшие войну. Объектом исследования является подтекст в двух коротких рассказах В.Борхерта: «Рождественские дары» («die drei dunklen Konige») и «Кухонные часы» («Die Kuchenuhr»). Подтекстом в обоих рассказах является выражение сочувствия автора к маленьким людям и его антимилитаристская позиция.

Основой для создания подтекста в рассказе «Рождественские дары» является евангельская легенда о волхвах, которые приходят с дарами приветствовать рождение Христа. Заголовок рассказа является маркером аллюзии. Денотативное значение заголовка - поклонение волхвов младенцу Христу. Контекстуальная (ситуативная) информация рассказа сообщает о посещении семьи, в которой родился ребенок, тремя солдатами, контуженными и изувеченными, которые преподносят родителям и ребенку свои подарки. «Двойная» семантика аллюзии, располагающая в одном ряду событие из Евангелия и событие в Германии после окончания второй мировой войны, выполняет стилистическую задачу - предать тексту оптимистическое: несмотря на трудности побеждает человечность. С помощью аллюзии создается широкий ретроспективно направленный подтекст.

Ситуация в тексте подготавливается употреблением существительного Heiligenschein, а затем подкрепляется следующей лексикой: die drei Dunklen, sonderbare Heilige, schone Heilige.

В конце рассказа два раза повторяется существительное Weihnachten, сказанное сначала женщиной, а затем мужчиной, завершая таким образом ситуацию текста.

У Борхерта интродукция (предыстория) обычно отсутствует. Многие детали повествования опускаются уже в экспозиции, что диктуется специфическими условиями «малого жанра», который исключает возможность подробного детального описания. Таковую экспозицию Ю.Л.Левитов называет экспозицией неопределенности (Verunklungsexposition). Рассказ начинается с немотивированного употребления личного местоимения в 3 лице в качестве подлежащего. Повтор немотивированного местоимения-подлежащего в двух первых абзацах ведет к выделению цепочки сказуемых, что создает эпическую напряженность. Начало рассказа с немотивированного употребления местоимения-подлежащего способствует созданию эффекта псевдообобщения и тем самым эмоционального подтекста, на фоне которого разворачиваются дальнейшие события.

Как и во многих других рассказах, герои не имеют имен, что придает им обобщающий характер.

Примером узкого подтекста может служить подтекст в СФЕ. В первых четырех абзацах (границы абзацев совпадают с границами СФЕ) имеет место варьированный повтор: das Holz roch murbe und su3, во втором абзаце добавляется сравнение wie Kuchen, в третьем абзаце появляется das su3e murbe Holz, в четвертом - von dem su3en weichen Holz. В конце рассказа снова появляется повтор: beinahe wie Kuchen, sagte der Mann und rochan dem Holz, wie Kuchen. Ganz su3.

Построение предложения, в котором сравнение образует рамку, а затем парцелляция определения ganz su3 способствует созданию эмоциональной напряженности. Этому способствуют также повторы существительного Haferflocken, а в конце рассказа существительного Weihnachten. Мужчина и женщина, очевидно, вспоминают другие времена, когда в этот праздник был рождественский пирог и другие вкусные вещи, а не одни овсяные хлопья, как сейчас.

Вторым примером узкого подтекста является повтор: Aber er hatte keinen, de m er dafür die Fauste ins Gesicht schlagen konnte, который встречается дважды и в третий раз варьированный повтор с синекдохой.

Путем повтора не происходит приращивания смысла, но находит выражение эмоциональная сторона высказывания. В том, что в доме холодно и голодно, очевидно, виновата война. Отсюда и досада на свое бессилие что-либо изменить, которое испытывает мужчина.

В рассказе «Кухонные часы» имеет место проспективно направленный широкий подтекст. Кухонные часы, выгащенные молодым человеком из-под обломков родного дома, напоминают ему о матери, которая вставала ночью с постели, чтобы

дать ему поесть. Слово «die Uhr» многократно повторяясь в тексте, становится символом мирного времени, которое молодой человек называет «раем».

Повтор глагола *ubrigbleiben* (дважды) и один раз варьированно как *ubrigsein*, неоднократное употребление сочетания *um halb drei* усиливают эмоциональное звучание рассказа.

Рассказ, как и предыдущий, начинается с немотивированного употребления местоимения 3 лица множественного числа и 3 лица единственного числа в качестве подлежащего в сложносочиненном предложении, что создает эффект псевдопродолжения и тем самым способствует возникновению эмоционального подтекста.

Монолог молодого человека звучит внешне бесстрастно, как констатация фактов, но лексические повторы придают эмоциональное звучание рассказу и помогают передать внутреннее психологическое напряжение персонажа, контрастирующее с его поведением, таким образом, создавая подтекст.

Н.Б. Усачева

Курганский государственный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА ИМЕТЬ ЧЕСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

В процессе социализации человек усваивает способы и средства взаимодействия с окружающими, приобретает умение адекватно ориентироваться в разнообразных социальных ситуациях, вырабатывает собственную систему ценностей и норм. Правила поведения человека различны в разных культурах, странах, этносах, социальных группах, с течением времени они устаревают, изменяются, обновляются.

На стыке лингвистики и социологии находится речевой этикет, регулирующий, какие языковые средства, каким образом и в каких ситуациях должен или может употреблять субъект.

Рассмотрим функционирование фразеологической единицы «*иметь честь*» в современной русской речи. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяет значение исследуемого фразеологизма так: «Формула вежливости в речи, обращенной к вышестоящему лицу». Фразеологизм имеет помету «устаревший». Действительно, в произведениях 19 века он активно употреблялся, а в настоящее время вышел из активного употребления, используется как средство стилизации или иронии.

По данным нашей картотеки, фразеологизм «иметь честь» в 80% случаев употребляется в форме первого лица единственного числа. Это объясняется тем, что исследуемая фразеологическая единица чаще всего употребляется как вежливое обращение. Значительно реже встречается форма множественного числа - это

может быть «авторское мы», например:

Мы (редакция «Отечественных записок» - Н.У.) уже имели честь высказаться и надеемся, что нас не заподозрят в придирчивости. Л. Аннинский. Три еретика.

Кроме того, форма 1 лица множественного числа употребляется, когда говорящий обращается от имени двух или нескольких лиц:

- Дело, о котором мы будем иметь честь говорить с вами, одинаково касается и князя, и меня, или, вернее супруги князя, а моей сестры. А.И. Куприн. Гранатовый браслет.

Редки случаи употребления фразеологической единицы «иметь честь» в форме инфинитива. Такое возможно, когда фразеологизм сочетается со словами *надеюсь, могу, позвольте* и др. под. Например:

{Арбенин} Что стоило бы вам Сказать об этом прежде. Я уверен, Что мне тогда иметь позволили бы честь Вас проводить туда и вас домой отвести. М.Ю. Лермонтов. Маскарад.

Фразеологизм «иметь честь» в 90% употреблений является связочным, то есть выражает лицо, время и модальность какого-либо процесса. Эти процессы достаточно разнообразны. Чаще всего исследуемый фразеологизм сочетается с глаголами речи (сообщить, просить, говорить, заявить, высказаться, ответить, объяснить и мн. др.) и с глаголами восприятия (знать, познакомиться, встречаться, принимать, видеть, представить, представиться и др. под.)

Своеобразно употребление исследуемого фразеологизма в сочетании с глаголом *быть*, который сливается с фразеологизмом «иметь честь» в единую формулу вежливого прощания. Особенно часто это наблюдается в эпистолярном жанре:

С истинным почтением честь имею быть, милостивый государь, Ваш покорнейший слуга А. Пушкин. Письмо А.А. Ананьину. Начало июля 1833 года. С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь, Вашего превосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин. Письмо Мордвинову от 30 июля 1833 года.

Этикетные формулы являются непременным атрибутом межличностного общения, без них трудно представить себе человеческую речь, именно поэтому необходимо их тщательное изучение.

Г.И.Федулова

Курганский государственный университет

К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ

Изучение языка происходит одновременно с изучением культуры, ибо язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предше-

ствующее состояние. При контакте с незнакомой культурой или с текстом нам приходится сравнивать две лингвокультурные общности - свою и чужую. Результатом такого сравнения является, как правило, непонимание (неполное понимание) в основном специфических феноменов чужой культуры. В отечественной науке расхождения или несовпадения в способах существования языков и культур, которые выявляются при их сопоставлении, при научном анализе, при переводе принято обозначать термином "лакуна". Под этим термином понимается тот или иной элемент национальной специфики некоторой культуры, зафиксированный в тексте. Различают лакуны лингвистические и экстралингвистические (культурологические).

Лакуны, отражающие специфику той или иной лингвокультурной общности, затрудняют взаимопонимание носителей различных культур. Однако практика межкультурного общения свидетельствует о разнообразных способах преодоления барьеров, создаваемых национально-специфическими различиями констатирующих культур. Одним из способов элиминирования (исключения, удаления) лакун является заполнение как языковое, так и относящееся к сфере культуры в целом: раскрытие смысла слова - понятия, принадлежащего какой-то незнакомой культуре. Другой формой или разновидностью заполнения лакун является использование в тексте более или менее подробных комментариев по поводу элементов чужой культуры. В тех случаях, когда необходимо сделать текст максимально понятным инокультурному реципиенту, т.е. сохранить лакуны нельзя, а заполнить их, прокомментировать по тем или иным причинам невозможно, лакуны компенсируют. Процесс компенсации лакун в тексте представляет особый интерес в ходе межкультурного общения. Суть компенсации состоит в следующем: для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, т.е. для облегчения понимания того или иного элемента другой культуры, в текст вводится специфический элемент культуры реципиента. Таким образом, в тексте некоторой культуры появляются элементы другой культуры, но не совпадающие с ними. При этом, как правило, облегчается понимание текста инокультурным реципиентом, но в определенной степени утрачивается национально-культурная специфика исходной культуры. На это явление указывают Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина, А.Н.Крюков, отмечая, что "компенсация лакун влечет за собой утрату национальной специфики исходной культуры и обязательно вводит в текст новые элементы, принадлежащие культуре реципиента".

Одним из видов компенсации лакун в тексте, который представляет собой фрагмент чужой культуры на языке реципиента, является также указание на реалию, знакомую читателю и помогающую понять чужую реалию или ситуацию. Вариантом этого вида компенсации являются случаи обращения не к элементам своей культуры, а к широко известному носителям тех или иных культур факту, реалии, ситуации другой культуры. Своеобразной разновидностью компенсации является также прием умолчания. Таким образом, использование различных способов за-

полнения и компенсации лакун в тексте позволяет подробно и правильно описать чужую экзотическую культуру, комментировать фрагменты текстов, которые фиксируют национальные особенности этой культуры. Это позволяет нам судить о способах поведения культур в процессе контакта между ними, сравнивать эти культуры между собой.

Выше отмечалось, что изучение языка происходит одновременно с изучением культуры. На пересечении языка и культуры находится такое языковое явление как лексический фон, которым, по мнению Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, слова одного языка отличаются от эквивалентных иноязычных слов. Незнание лексического фона приводит к нарушению узуса языка или к построению бессмысленных фраз. Лексические фоны основных слов языка, как правило, бывают тесно связаны с совокупностью всех ценностей духовной культуры общества. На проблему фоновых знаний указывали в своих работах Э.Сепир, А.Мейе, Э.Хауген, Д.Хаймс. В нашей стране изучение фоновых знаний уже давно ведется в русле теории перевода и лингвострановедения. Язык зависим от культуры. Свидетельством этой зависимости является структура всего словаря языка, в котором можно выделить различные лексические категории, связанные с характерными для данной культуры чертами. Эта зависимость проявляется в образовании широких синонимических рядов вокруг понятий, имеющих особое значение для данного народа. Слова-синонимы в дальнейшем подвергаются дифференциации и перестают быть взаимозаменяемыми. В результате вокруг понятий, наиболее актуальных для данной культуры, сосредоточиваются не только синонимические группы, но и семантические поля со сложной структурой компонентов.

Таким образом, различные пласты национально-окрашенной лексики - лакуны как безэквивалентная лексика, фоновая лексика отражают наиболее существенные для жизни данного народа понятия, поведение человека, систему его мировоззренческих взглядов, этических оценок и эстетических вкусов.

Н.Н.Цыцаркина

Курганский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ

Публицистический стиль связан со сферой общественно-политической деятельности индивидов, он отражает социальные отношения в обществе и соответствует идеологии как форме общественного сознания. Это стиль журнальных и газетных статей, а также более крупных по объему публицистических произведений на политические и другие общественно значимые темы, стиль ораторских выступлений на

митингах и собраниях. Среди многочисленных черт публицистического стиля особую важность представляют компрессия содержания, опора на фоновые знания читателя, информационная насыщенность единиц текста, стандартизация средств выражения смысла.

Тенденция к экономной затрате изобразительных средств языка соответствует требованию публицистического стиля точно, быстро и кратко передавать информацию большого объема о событиях, происходящих в обществе. Языковая краткость способствует повышению информативности и содержательной насыщенности публицистического текста. Ярким примером этого явления служат глаголы социальных отношений типа *support, rule, fight, cooperate*, передающие абстрактные понятия верхних уровней обобщения. Они называют одним словом широкий спектр действий субъекта, включаемых в определенную деятельность: *...real solutions to the severe problems of workers will come as they learn to cooperate (People's Weekly World)*. Конкретизаторы смысла в тексте отсутствуют, но у реципиента создается общее представление о деятельности, называемой глаголом.

Такая имплицитная передача некоторой части сообщения становится возможной благодаря наличию у читателя фоновых знаний о тех ситуациях, которые описываются в тексте. Читатель, пытаясь выявить смысл какого-либо фрагмента текста, активизирует ряд ассоциируемых о нем представлений о действительности или фреймов. Под фреймом понимаются ранее приобретенные структуры, основанные на вероятном знании о наиболее типичных, стереотипных ситуациях. Существуют фреймы определенных видов общественной деятельности. Назвав опорные слова, можно вызвать всю когнитивную картину соответствующей ситуации, т.е. активизировать весь фрейм в целом. Степень понимания ситуации, стоящей за этими словами, зависит от образованности, социальной зрелости реципиента, знания им специфики социальных отношений. Так, употребляя в тексте глагол *cooperate*, пишущий рассчитывает на подготовленного читателя с определенным набором фоновых знаний о конкретных, составляющих норму процессах, происходящих в обществе, его движущих силах, закономерностях развития, структуре власти.

Компрессия информации в публицистическом тексте достигается также за счет обильного использования номинализированных структур. Это имена пропозитивной семантики, инфинитив, герундий, качественные прилагательные. Такие структуры представляют содержание всей пропозиции в свернутом виде, чем осложняют синтаксис предложения, увеличивают его глубину: *He called to do everything we can to fully activate labour and people's movement (People's Daily World)*.

Номинализация дает возможность ранжировать информацию. Наряду с основной линией номинализованные структуры вводят в предложение "тупиковые" отступления, которые в свернутом виде дают дополнительную информацию к основной линии повествования. Компрессия информации происходит также за счет того, что явление описывается не как цепь дискретных действий, а с помощью общей отсылки, возвращающей повествование к его теме. Номинализация пропозиции

играет здесь роль темы: ... students will continue to fight to uphold sanctions against South Africa (Morning Star). Номинализация может относиться и к плану нового текста: In the past few weeks we organized a campaign and lobby to stop imported coal (Times). Стремление к сжатости информации ведет к “нанизыванию” информации в цепочки субстантивных блоков: Mooty toured the country with Till’s mother, exposing the vicious crime and aided in sowing seeds for the 1960’s civil rights movement (People’s Daily World).

Другой неотъемлемой чертой публицистического стиля является употребление стандартизированных единиц. Под стандартом понимается устойчивое по своему составу и воспроизводимое в готовом виде языковое средство, которое обладает четкой семантикой и экономно выражает мысль, способствуя быстрой передаче информации. К стандартизированным единицам принадлежат сложившиеся речевые формулы, речевые клише, соотносящиеся с определенной ситуацией и обычно в ней употребляющиеся: *fight for peace, people of good will, strengthen security*. Сюда же можно отнести семантические модели, лексическая наполняемость в которых изменяется в определенных пределах, например, двусубъектная конструкция с глаголами социальных отношений. В этой модели каузативный субъект S1 воздействует на каузируемого субъекта S2 с целью побудить его к определенным действиям V2 / S1 + VCO + S2 + V2 /. Глаголы социальных отношений могут обозначать либо содействие (*support, back, cooperate*), либо противодействие (*manipulate, protest, oppose*) деятельности субъекта S2: He (S1) strongly supported (VCO) the American war effort (V2) in Vietnam (International Herald Tribune).

Применение языковых стереотипов диктуется, с одной стороны, ориентацией публицистических текстов на описание постоянно повторяющихся ситуаций социальной жизни общества, с другой, - особенностями языка публицистики, а именно, требованием динамизма подачи информации.

И.А.Щирова

Санкт - Петербург

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ «Я» В ТЕКСТАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Зафиксированное наукой понятие «психологическая проза» отразило закономерные процессы, протекавшие в англоязычной художественной коммуникации и явившиеся, в свою очередь, следствием определенных условий развития социума.

Теория относительности Эйнштейна, обнаружившая новое видение времени, философия интуитивизма Бергсона, показавшая ограниченные возможности *ratio*, психоанализ Фрейда, позволивший соприкоснуться с подсознательным, «поток сознания»

ния» У. Джеймса «совершили революцию» и в искусстве, которое «ушло в сферу субъективного созерцания» (Вейдле): «Я» и «мир», «субъект» и «объект» оказались отделенными друг от друга. Решающую роль в этих процессах сыграло «Сверх - Я» Фрейда, зафиксировавшее неоднородность человеческого сознания. Лакан, обеспечив «расщеплению» «Я» лингвистическое обоснование, объявил референтом собственного «Я» - «другого», признав за речью посредническую функцию в установлении их взаимосвязи. Это означало критику стабильного ЭГО. В психологических произведениях писателей-модернистов множественность «Я» квазисубъекта, реализующаяся в пространственно-временных рамках, очерченных структурами квазисознания, «замещает» авторское «Я», являющееся реальным основанием этой множественности. Главным героем модернистских текстов выступает чувствующий и мыслящий субъект.

«Вивисекция чувств», приведшая впоследствии к «деперсонализации» в литературе постмодернизма, не стала единственным способом познания эмоционального универсума. Изображению чувства через диалог и действие способствовала объективная материалистическая психология (Жане, Хебб, Пьерон), которая стимулировала творчество представителей психологического реализма. Чувствующий и мыслящий субъект в таких текстах «непосредственно наблюдаем» лишь в интериоризированных формах речи, основной же показ эмоциональных нюансов происходит через их экстерииоризацию.

Несмотря на различие вышеупомянутых направлений, в фокусе их внимания оказывается личность человека, иными словами, в изображении взаимоотношения универсума чувств и универсума объективной действительности *доминирует* первый. Содержащая в себе информацию о «сознании» квазисубъекта интенциональная психологическая литература предполагает высокую степень субъективности ее интерпретации, однако повышенный субъективизм не отрицает возможности выявления жанровых признаков психологической прозы. Более того, современная научная парадигма, помещающая в фокус внимания координату «Я» и усматривающая в ней основу для анализа понятия «субъекта как «познающего и действующего человека» (Степанов), позволяет решать поставленную задачу именно с этих позиций.

Проблемы восприятия и концептуализации не могут не коснуться исследователя психологической прозы. Соглашаясь с тем, что мир художественного произведения сравним с объективным миром лишь образно, следует отметить, что именно *антропоцентризм* мира вымысла позволяет увидеть в его герое, пусть квази, но все же *субъекта*, который, конечно же по воле автора, наделен способностью *чувствовать* и *мыслить*. В психологических текстах понятие «интериоризации» представляет особый интерес и может быть принято за основу анализа. Зафиксированное наукой развитие когнитивного цикла от восприятия к знанию подсказывает возможность построения иерархической лестницы, ступени которой могли бы занять компоненты, присутствующие в сознании квазисубъекта, «интериоризирующего», т.е. осваивающего, окружающий его мир. Назовем ее «лестницей интериориза-

ции». Художественные формы, воссоздающие процессы восприятия и концептуализации, которые составляют основу интериоризации, обозначим как «модус восприятия» (МВ) и «модус мышления» (ММ).

«Лестница интериоризации», имитирующая процесс формирования картины мира в сознании квазисубъекта, имеет следующий вид: (А) Модус восприятия (МВ) (образное представление мира): 1) чувственные (дескриптивные) образы, интериоризирующие физический «реальный» или воображаемый мир лишь с точки зрения констатации его отдельных характеристик; 2) тропы, вскрывающие сущностные связи интериоризируемого мира вследствие свойственной им эмоционально-оценочной специфики, которую дополняют эпистемические смыслы. (Б) Модус мышления (ММ) (пропозитивное представление мира): ментальные предикаты.

МВ и ММ отражают возможные расслоения «Я» персонажа. «Я» чувствующее (в том числе и чувственно воспринимающее) и «Я» думающее принадлежат к одной из самых важных структур текста психологической прозы, структуре сознания квазисубъекта, и способны реализовываться в различных формах. «Я» мечтающее (мысль и чувства, направленные в будущее) и «Я» вспоминающее (мысль и чувства, направленные в прошлое), «Я» сомневающееся и «Я» знающее, «Я» воспринимающее (пассивно) и «Я» оценивающее (активно) всегда противоположны тому «Я» квазисубъекта, которое реализует свою «материальную», «онтологическую» субстанцию через действия и речь.

СОДЕРЖАНИЕ

Авраменко Т.А., Дружинина Т.К., Кривоногова Р.И. ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРАКТИКЕ РЕЧИ.....	3
Аврасин В.М. ЗАМЕТКИ ОБ АССОЦИАТИВНОСТИ КАК ОЦЕНОЧНОМ КРИТЕРИИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	4
Бабушкина О.А. РОЛЬ ПАРАФРАЗА В РЕГУЛЯЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ	7
Баландина Н.Д., Мостальгина С.Е. РУССКИЕ: К ВОПРОСУ О САМОПОЗНАНИИ	8
Бекетова Р.П. ПОНЯТИЙНЫЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ (на материале имени существительного во французском и русском языках)	10
Беличева О.П. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АРГОТИЗМОВ НОРМАТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЧЬЮ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА	12
Белозерова Ф.М. О КЛАССИФИКАЦИИ ПРОТОТИПОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПРОТОТИПАХ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале английского и русского языков)	13
Бочегова Н.Н. СМЫСЛ ТЕКСТА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМИОСФЕР	14
Бутенко Р.А. ФУНКЦИОНАЛЬНО – СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ИНТОНАЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Ж.ПРЕВЕРА	17
Галичкина Е.Н. ЭТИКА КОМПЬЮТЕРНОГО ОБЩЕНИЯ	18

Голубева С.С. КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ИСПАНСКОЙ ПРОЗЫ XVII ВЕКА	20
Гопта Г.В. МЫ ГОВОРИМ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ	21
Гришкова Л.В. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И МУЗЫКА: КОМПОЗИЦИОННЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ	23
Гришкова Л.В., Менщикова Т.А. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В РОМАНЕ Р.БРЭДБЕРИ “451 ПО ФАРЕНГЕЙТУ”	25
Комарова Н.Ю. СОЦИАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЕМИОСОЦИОПСИХОЛОГИИ	27
Коник О.А., Подберезных Т.В. ТЕРМИНОЛОГИЯ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	29
Коровкина Н.В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	30
Костерина Е.М. КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ЧАСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР ПОСРЕДСТВОМ ЯЗЫКА	31
Кузнецова Е.Н. ПАРАДИГМА ПРОПОЗИТИВНОГО ПОДЛЕЖАЩЕГО	33
Лебединская В.А. МИКРОПОЛЕ С КОМПОНЕНТАМИ БОГ И ЧЕРТ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ	34

Левченко Г.П. АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	36
Мальцева О.А. ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ	37
Нетесова Ю.А., Маханова Т.Л. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ	39
Овчинникова О.К. “ОБРАЗ МИРА” В ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	41
Одинцова С.М. АВТОР, ГЕРОЙ И ТЕКСТ В ПРОЗЕ В. МАКАНИНА	43
Озорнина Л.Б. МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ	45
Ратушная Е.Р. ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ	47
Саливон А.Н. ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК КОМПОНЕНТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	48
Самойлова Г.М. ПРОБЛЕМА “ДОМИНАНТЫ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО” В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ (“Хаджи-Мурат” Л.Н. Толстого в контексте 20 века)	50
Соколова А.А. СТАНОВЛЕНИЕ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА “УМЫВАТЬ РУКИ”	52
Сычугова Л.А. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (на материале фаунистической лексики)	54

Тэули Э.И. НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОДТЕКСТЕ В РАССКАЗАХ В.БОРХЕРТА	56
Усачева Н.Б. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА <i>ИМЕТЬ ЧЕСТЬ</i> КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА	58
Федулова Г.И. К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕНИИ.....	59
Цыцаркина Н.Н. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ	61
Щирова И.А. СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ «Я» В ТЕКСТАХ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ	63
Содержание	66

“ЭТНОС. КУЛЬТУРА. ТЕКСТ”

Материалы научной лингвистической
конференции 15 апреля 1999 г.

Редактор О.А.Пойлова
Оригинал макет - Шарова О.Н.

Лицензия ЛР N 020376 от 17 июня 1997 г.

Подписано к печати

Формат 60*84 1/16

Заказ

Усл. п. л. 4,5

Тираж 100

Бумага тип. N1

Уч. изд. л 4,5

Цена свободная

Издательство Курганского государственного университета.

640669, г.Курган, ул. Гоголя, 25.

Курганский государственный университет, ризограф.